

18+

Евгения Никифорова

Изображая зло

Книга первая

Евгения Никифорова

Изображая зло. Книга первая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24050992
ISBN 9785448515484*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Даже в самые тёмные времена культ философского камня оставался нетронутым веяниями религиозной философии, провозглашавшей смирение высшей ценностью; бессмертие – мечта, от которой люди не смогли отречься. События происходят в Европе XXI века. Виктория Морреаф – женщина, чья жизнь насчитывает семь столетий, ищет наследника. Между тем Лондон подвергается атаке загадочных сектантов. Убийство соратницы вынуждает Викторию начать расследование, в ходе которого она понимает: с ней ведут жестокую игру.

Содержание

Глава 1. Виктория Морреаф	5
Глава 2. Враг даёт о себе знать	27
Глава 3. Осень в Лондоне	46
Глава 4. Имя мне – Гнев	63
Глава 5. Знакомство с цепными псами	94
Глава 6. Лучший подарок заклятому врагу – жизнь	129
Глава 7. Теракт на Трафальгарской	148
Глава 8. Цена доверия	164
Конец ознакомительного фрагмента.	187

Изображая зло

Книга первая

Евгения Никифорова

Оформление обложки Евгения Олеговна Никифорова

© Евгения Никифорова, 2021

ISBN 978-5-4485-1548-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Виктория Морреаф

– Я благодарен за визит, – произнёс отец Мартин. – Простите, что потревожил, но надежды возлагаю только на вас.

Священнослужитель распахнул железные узорчатые ворота, пропуская гостью на территорию монастыря. Каменное древнее сооружение с тяжёлыми колоколами в башнях приветствовало угрюмостью и простотой веры, всем видом показывая, что уже ничего не ждёт от живых. Виктория Морреаф в роскошном дорогом пальто выглядела неуместно возле переминавшегося с ноги на ногу старика, довольствовавшегося поношенной рясой. Послушники, завидев женщину, отворачивались, старательно пряча глаза. Но Виктория не обращала ни на кого внимания, кроме отца Мартина.

– Кто? – задала она первый вопрос.

– Лукас Монсо, двадцать три года, не женат, детей нет.

– Он назвал причины, почему выбрал Лукаса?

– Сказал, что Лукас хорошо его подкармливает.

– И больше ничего?

– Ещё его забавляют страдания жертвы.

– Сколько?

– Месяц.

Виктория подставила лицо сухому ветру.

– Лукас необычный человек?

– Архитектор.

– Значит, с долей воображения и логики.

– Прошу прощения?

– У меня пока нет вопросов. Я должна увидеть его.

Отец Мартин засеменял впереди гостью, показывая путь в помещение, откуда вылетали крепкие ругательства. Старик отворил дверь и вошёл первым, после чего обернулся к женщине, намереваясь произнести заветные слова отпущения грехов перед ритуалом. Но та качнула головой, мол, не надо, и встала у облезлой стены. Незнакомый ей юноша был привязан к стулу в центре пустой комнаты. В неверном свете зажжённых свечей показалось его бледное лицо, которое искажали судороги. Чудовищные синяки под глазами, худоба и грязные всклокоченные волосы производили сильное впечатление. Вид Лукаса Монсо можно было бы счесть жалким, если бы не бегающий озорной взгляд – необычайно живой для человека, который провёл в заключении месяц. Пахло потом и мочой. Отец Мартин с крестом и раскрытой Библией в руках принялся громко читать молитвы. Похоже, присутствие гостьи прибавило старому священнослужителю уверенности.

– Pater noster, qui es in caelis, sanctificetur nomen tuum¹.

– Morte sola Dei², – прошелестел тихий ответ.

– Adveniat regnum tuum. Fiat voluntas tua, sicut in caelo, et

¹ Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твоё

² Смерть ваш единственный Бог

in terra³.

– Voluntas data est homini⁴.

– Panem nostrum quotidianum da nobis hodie, et dimitte nobis debita nostra, sicut et nos dimittimus debitoribus nostris⁵.

– Nulla indulgentiae qui repulit Deus⁶, – вторил одержимый.

– Et ne nos inducas in tentationem, sed libera nos a malo⁷.

– Nulla libertas a propria umbra⁸.

– Amen⁹.

Одержимый оскалился, демонстрируя поломанные коричневато-жёлтые зубы. Алчный плотоядный взгляд нацелился на женщину.

– Tempus tuum expirat¹⁰.

– Мне нужно получить его имя, – шепнул отец Мартин и вытер со лба капли пота.

– Знаю, – несколько усталым тоном ответила Виктория.

– Конечно, она знает! – возликовал рычащий утробный голос. – Иначе бы не пришла!

– Он впервые заговорил на итальянском. До этого на ла-

³ Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе

⁴ Воля дана человеку

⁵ Хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим

⁶ Нет прощения тому, кто отверг Бога

⁷ И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого

⁸ Нет свободы от своей тени

⁹ Аминь

¹⁰ Твоё время истекает

тыни, ещё я слышал иврит и язык, очень похожий на сирийский, – добавил святой отец.

– Значит, знаком с арамейским письмом? Похоже, это дух из Ближнего Востока.

– *Nulla nomen – nulla virtute*¹¹.

Они переглянулись, услышав последнюю реплику одержимого.

– Что ж, я продолжу, – выдохнул отец Мартин.

– Вначале с ним поработаю я.

Виктория медленно приблизилась к жертве, после чего, неожиданно для священника, позволила себе присесть перед Лукасом. Одержимый шумно втянул воздух, не сводя с женщины цепкого взгляда. На протяжении нескольких минут отец Мартин ощущал себя лишним в их неторопливой беседе. Он не понимал ни слова из того, о чём говорили эти двое. Инстинкт требовал предупредить Викторию о возможной опасности, однако, судя по мелькавшей улыбке, в помощи она не нуждалась.

Вскоре священнику начало казаться, что одержимый расслабился. Женщина вдруг поднялась, достала из внутреннего кармана пальто несколько фотографий, отобрала две и помахала перед лицом Лукаса. Отец Мартин успел разглядеть изображения девочек.

– *Vivas*¹², – дух вернулся к латыни.

¹¹ Нет имени – нет силы

¹² Живы

– А эти? – Виктория предъявила фотографии мальчиков.
– Mortui¹³.

Одержимый облизал треснувшие, обкусанные до крови губы.

– Я чую их сладкие души.

– Ясно, – сделав известный ей одной вывод, женщина убрала фотографии и обошла стул, пристально разглядывая с разных сторон тело Лукаса.

– Мне приступить к молитвам? – напомнил о себе священник.

– Обязательно, как только назову его имя.

Тот визгливо рассмеялся в ответ.

– Целый месяц сидишь на цепи, как щенок, – Виктория бесстрастно смотрела в безумные глаза. – Ну же, покажи чудо. Удиви меня.

Она склонилась над изуродованным юношей.

– Похоже, ты не в настроении. Жаль, я надеялась уйти под впечатлением.

Взгляд упал на исцарапанную синюю руку. Виктория, наконец, обнаружила то, что её интересовало. Большой палец Лукаса был обглодан едва ли не до кости.

– Vos mortem propinquus¹⁴, – изрёк дух прежде, чем она успела отвернуться и сказать:

– Его имя Орниас.

¹³ Мертвы

¹⁴ Ты близка к смерти / Ты на грани смерти

Отец Мартин облегчённо вздохнул и перекрестился.

– Осталась самая лёгкая часть. Не буду вас беспокоить, – бросила Виктория напоследок и, не обращая внимания на крик поражённого демона, захлопнула за собой дверь.

Некоторое время ещё был слышан шум борьбы, но вскоре ритуал завершился, и монастырь впал в протяжную тягучую тишину. Священник из последних сил выкарабкался на воздух. Спотыкаясь на ступенях и придерживаясь за холодные стены, он кое-как дошёл до каменной скамьи, где его поджидала Виктория Морреаф. С мученическим стоном отец Мартин рухнул рядом.

– Не советую больше этим заниматься.

Гостя вытянула ноги и выгнулась, как старая кошка. Прикрыв глаза, подставила лицо сухому итальянскому ветру. Её движения были нарочито медленны и ленивы.

– Мой ученик пока не готов к испытаниям, – скромно ответил старик.

Из-под ресниц мелькнул пронизательный взгляд.

– Бережёте его? – уголок рта дёрнулся в полуулыбке. – Не попробует, не узнает.

– На всё воля Господа, – прикрылся заученными словами священник, желая опустить неприятную тему. – А вы не изменились за пятьдесят лет. Кажется, тогда мы встретились впервые? Полвека назад?

– А не виделись сколько? Почти десять? Я начала думать, что вы забыли меня.

– Это невозможно.

Священник деловито поправил одну из тридцати трёх пуговиц на своей рясе.

– Как вам удалось вычислить имя? – спросил он с профессиональным интересом.

– Демон предпочитал общаться на арамейских языках. Логично предположить, что он родом из Ближнего Востока. Привлекают его души мужчин, а не женщин. И чем моложе, тем лучше. Большой палец на руке Лукаса чуть ли не съеден. Мне вспомнилась история о том, как царь Соломон подчинил злых духов и заставил их построить храм Божий. Иерусалим, Палестина, Ближний Восток...

– Имена всех покорённых духов перечислены в апокрифах, – кивнул отец Мартин.

– И первое имя – Орниас. Этот дух преследовал мальчика, верного раба Соломона. И доказательством тому был большой ссохшийся палец ребёнка, из которого демон высасывал жизнь.

– Хорошо, что я догадался позвать специалиста.

Он взволнованно протёр ладони.

– Я подумал... вам следует передать знания достойному человеку.

Виктория вынула пачку дешёвых сигарет, щёлкнула зажигалкой и закурила. Если бы отец Мартин увидел её впервые, непременно бы сделал замечание. Но опыт долгого знакомства подсказывал, что привычка этой женщины тянуться

к сигаретам связана с потаёнными глубоко личными переживаниями, о которых вряд ли кому-нибудь доведётся узнать.

– Вы слышали, что сказал дух? – спросила она спустя минуту.

– О том, что вы скоро умрёте? – священник фыркнул. – Никто не солжёт лучше дьявола.

– И всё же это любопытно.

Виктория глубоко затаилась, пропуская смог через лёгкие.

– Если бы мне предложили выбирать себе смерть, я бы предпочла самопожертвование.

– Я несколько не сомневаюсь в вашем стремлении защищать людей. Вы трижды спасли мне жизнь, а сегодня помогли бедному Лукасу, – отец Мартин еле-еле подавил желание схватить её за плечо. – На ваших глазах свершались великие подвиги и страшные катастрофы. Кто-то смотрит на вас с восхищением, и очень многие с озлобленностью. Но мне вы видите глубоко несчастным человеком. Человеком, наказанным за гордость. Время жестоко подшутило над вами. Однако никому не дано судить... Лишь тот, кто несёт крест, может сказать, насколько он тяжёл.

– Святой отец, – прошептала Виктория со снисходительной улыбкой. – Жалость безобидного старика последнее, в чём я нуждаюсь. Я не жертва жестокого бога и уж тем более не покровитель слабых и обездоленных. Я влачу существование, за которое люди готовы продать душу. Все мои

родственники умерли ещё в четырнадцатом веке. И никто из знакомых не похвастается, что по-настоящему знает меня. Я одна могу сказать... Я игрок. Я развлекаюсь бесконечными играми в историю событий. Закладываю бомбу в одном столетии и поджигаю, как она взорвётся в следующем. Я давно оторвалась от общества, потеряла связь с сегодняшним днём. Почему? Я жду чего-то особенного, надеюсь увидеть то, что потрясёт до глубины души. И это что-то обязательно должно произойти завтра... Так я говорю себе. Но разочаровываюсь с каждым днём. Приходится мириться с повторяемостью событий, с закономерностью людских поступков. Кажется, это зовётся спиралью истории. Я судорожно ищу новое, не засиживаюсь на месте, утоляю страсть к приключениям. Рискую, не задумываясь о последствиях... Может, потому что заранее знаю исход? Сколько смертей поджидает человека за углом, но ни от одной я не пряталась! За семь столетий я успела пережить самые страшные мгновения. Я следую за смертью, словно за давним и единственным возлюбленным, но она без конца убегает от меня... как будто боится, что если меня коснётся, её покарает сам Бог.

Стальной взгляд женщины обратились к старику.

– Время позволило мне вдоволь изучить природу людей. Я ненавижу их... ненавижу за узор мышления, за примитивность, убогую ограниченность. И знаете, на фоне живых мёртвые кажутся лучше.

Виктория постучала дымящимся окурком по скамье, за-

тушив его.

– Так вы считаете, люди злы? – спросил священник.

– Зло заложено в генотипе человека с начала сотворения мира.

– Но есть множество примеров, когда люди преодолевали свою тёмную сторону и шли на поистине великий акт самопожертвования!

– Этому есть только одна причина, – Виктория склонила голову, спрятав лицо за прядями тяжёлых смоляных волос. – Любовь.

Отец Мартин улыбнулся.

– Разгром городов, уничтожение культуры, массовая гибель людей... Война снится мне в кошмарах, святой отец. Тысячи раз я участвовала в этих кошмарах. Людей клеймили, как бракованный товар, сжигали. И эти сладострастные крики насильников, призывы к вожделению зла... Инквизиция, Холокост, джихад... Человечество негодует, откуда берутся чудовища, которым не ведомы уважение и сострадание. Лучшие умы ломают голову над этим вопросом и не подозревают, что чудовища живут и бодрствуют всюду, они не исчезали ни на день. Больше всего человек любит играть в Господа Бога, и нет искушения порочнее, чем власть над разумом. Если не можешь отличить правду от вымысла, до конца жизни будешь следовать приказам тех, кто создаёт из лжи целый мир. В стадо людей сбивает вера, а выводит собственное мнение. Кукловод задумывает и ведёт войну,

а гибнут в ней марионетки. И это безумие никогда не прекратится.

Виктория подняла взгляд на монастырскую пустошь.

– Святой отец, вам не кажется, что ветки деревьев похожи на руки грешников? Голые, чёрные, они тянутся вверх, к небесам. О чём они просят? Зима всё равно наступит. Им не избежать ни холода, ни войны. Но раз уж неотвратимо такое зло, то должна же смерть быть неизбежна и для меня?

– И вы думаете, наилучший исход вашей жизни – пожертвовать собой ради людей?

– Не ради людей. Ради любви. Из всего увиденного мной за семь веков существования любовь всегда была той единственной вещью, которой Бог не позволял мне владеть. И поверьте на слово, она достойна того, чтобы сам Бог за неё же и распял.

Виктория Морреаф поднялась со скамьи и плотнее запахнулась в пальто, спасаясь от осеннего ветра.

– Впрочем, я солгала вам, святой отец, – она усмехнулась в ответ на удивление священника. – Моя услуга бедному Лукасу была не такой уж и безвозмездной. Детей на тех фотографиях разыскивают в Англии, и теперь я со спокойной душой могу передать сведения детективу Кроули. Он всегда рад полезной информации. Даже если её предоставил демон.

– Знаете, что я вам скажу? – бросил отец Мартин. – Вечность – это чересчур много.

Прощанием послужил отрывистый хрипловатый смех.

Лишь когда гостья удалилась от стен монастыря, седые брови католика сдвинулись, испортив и без того старческое, испещрённое десятками морщин лицо. Из мрачных раздумий священнослужителя вывел подбежавший послушник. «Эта женщина, с которой вы говорили... Кто она?» – полюбопытствовал юноша.

– Одна из самых опасных людей на свете. Но бояться её не следует. Эту женщину зовут Виктория Морреаф. Она бессмертна.

Одно Виктория Морреаф не в силах была сказать: осталась ли она человеком или же столетия жизни извратили её природу. Ведь существо, которое видели окружающие, не имело с ними ничего общего.

Для посетителей бара Виктория была лишь тенью: никто не обращал внимания на высокую фигуру в пальто. Она села за барную стойку и заказала кофе. На улице стоял дикий холод. Рим умирал под серым полотном осеннего неба, но в помещении, где играла музыка и пахло сигаретным дымом, обстановка казалась не столь мрачной. Виктория ненавидела позднюю осень.

Услужливый бармен принёс дымящийся напиток, которым она сразу обожгла горло. В противоположном углу бара капризничал ребёнок, за ближайшим столиком распивали пиво и смеялись двое мужчин, а справа помешивал коктейль темноволосый парень в кожаной чёрной куртке. Виктория

одарила его равнодушным взглядом и отвернулась: как всегда, ничего примечательного, разве что перстень на его левой руке показался весьма интересным. Женщина сделала глоток кофе, затем чуть склонила голову, желая разглядеть печать. Окружённый дугой из мелких букв паук золотился и отливал блеском – владелец явно частенько начищал перстень, – хотя по виду вещь выглядела не новой. У Виктории глаз был наметан на антиквариат, и даже не будучи знакомой с юношей, взяла на себя смелость утверждать, что перстень не датируется нынешним столетием, он куда более древний. Оторвалась от созерцания украшения и внезапно столкнулась с неистовым взглядом.

Это были красивые глаза. Большие и выразительные. Необузданная сила скрывалась за тёмными озёрами – нечто звериное и прекрасное. Такие глаза могли принадлежать представителю лишь одного племени – цыганского. Смуглая кожа, резкие брови, влажные после глинтвейна губы... Без сомнения, привлекательный мальчик, которому вот-вот исполнилось двадцать или, по крайней мере, должно исполниться – старше не выглядел. На Викторию он смотрел вызывающе, со странным выражением, разгадать которое сразу не удалось.

– Заинтересовал? – мальчик кивнул в сторону перстня. – Хотите узнать, что обозначают письмена?

– Нет.

– Почему?

– Пусть это останется тайной. От того, известен ли мне смысл надписи или нет, не будет никакого проку.

– Неужели даже не любопытно?

– Немножко.

– Нравится терзать себя?

Виктория с удивлением воззрилась на мальчика.

– Простите, – улыбнулся он, намереваясь сгладить ситуацию. – Я нередко говорю, что думаю. Бывает, это обижает людей.

– Вы хотели сказать, отталкивает.

– Да, и это тоже.

Виктория равнодушно пожала плечами и сделала вид, что собеседник её не волнует. Кофе продолжал дымиться, а изгнанный двумя часами ранее демон визгливо смеялся.

– Не хотите зайти в гости? – внезапно спросил незнакомец.

Она обернулась, ожидая увидеть подкупающую улыбку, которая так раздражала в мужчинах, но встретила равнодушие. Он будто сам не знал, хотел этого или нет, просто предложил, чтобы прогнать скуку и скоротать свободное время в компании первой встречной, весьма обеспеченной, судя по бриллиантовым серьгам, женщиной. «И с чего он решил, что я соглашусь?» – думала Виктория с постепенно нарастающим раздражением; если за ближайшие часы ничего не случится, она с лёгким сердцем улетит в Марокко.

– Не хочу показаться назойливым, – продолжил юноша. –

Я свободен до сегодняшнего вечера, и мне будет приятно, если вы согласитесь провести со мной время.

– Мы раньше встречались?

– Нет.

Виктория вздохнула и вернулась к своему кофе. За долгие столетия она привыкла к вниманию: похоть, признания в любви, глупое раболепие давно утомили. Неужели этот самоуверенный мальчик счёл себя лучше других?

– А ведь я узнал вас, – вновь заговорил он.

В ответ на последнее женщина тихо фыркнула: любой прохожий мог вспомнить известного на весь мир мецената фрау Морреаф. Виктория недоверчиво покосилась на парня.

– И кто же я, по-вашему?

– Создатель философского камня.

«Это что, шутка?»

– Я видел вас на фотографии столетней давности в архивах. Это лицо невозможно перепутать с другими. Ваши глаза, нос, скулы... Вы успешно скрываетесь в толпе. Но глупо надеяться стать невидимой для тех, кто прикоснулся к исторической тайне. Я не настаиваю на свидании: да и кто я такой, чтобы просить об этом? Но я буду рад, если вы согласитесь провести время с человеком, который угадал в сидящей рядом женщине Викторию Морреаф.

– Вы историк?

– В своём роде.

Самоуверенный мальчик цеплял. Вроде бы двадцать лет,

молоко на губах не обсохло, а выглядел, словно прошёл через ад. В глазах горело знание, какое бывает у зрелого, подавшего виды человека.

– Закажите что-нибудь ещё? – спросил бармен.

– Нет, – Виктория метнула вежливую улыбку сразу обоим. – Где вы живёте?

– На Корсо дель Ринашименто.

Юноша назвал дом и номер квартиры.

– Я найду до вечера, – Виктория заплатила бармену и, не обмолвившись более ни словом, покинула бар.

Холод ударил в лицо и вызвал бурю эмоций, напомнив о приближении зимы. Женщина истосковалась по настоящему солнцу, палящему и опасному. Лишь под небом Марокко в искалеченной душе могла родиться жажда жить дальше. А поздняя осень олицетворяла медленную мучительную смерть. От этого хотелось бежать. Как и из ненавистного века обратно в родное средневековье – к пониманию безграничности мира, чувствам свободы и страха. Того, что она потеряла в одном из предыдущих столетий.

Спустя несколько часов современный Рим, находящийся на осколках величайшего древнего города, должен был остаться позади. Усталость сказывалась всё острее. Наверное, поэтому Викторину Морреаф начала терзать странная тяга к мальчику. В нём крылось что-то заманчивое. Иногда судьба подсылала ей тех немногих, кто запомнился на всю жизнь с первой же встречи.

Ровно в четыре она постучала в дверь квартиры на улице Корсо дель Ринашименто. Мальчик открыл. В его тёмных глазах вспыхнуло торжество.

Рубашка красиво облегла стройное молодое тело. Волосы были зачёсаны в аккуратный пробор, а не растрёпаны ветром, какими запомнились в баре. Заметив быстрый оценивающий взгляд, он слегка улыбнулся и отошёл в сторону, пропуская гостью за порог. Виктория медленно вошла, и на какие-то секунды обстановка поглотила её внимание: идеально застеленная кровать, предназначенная на одного, письменный стол, где всё лежало на своих местах, небольшой телевизор в углу комнаты... Это наводило на подозрения. Виктория всегда считала прилежных и старательных людей самыми страшными представителями общества: они пользовались безупречной репутацией, знали больше других и при этом оставались в тени.

– Осмотрелись? – спросил мальчик.

Виктория одарила его внимательным взглядом.

– Вы здесь давно?

– Около трёх месяцев.

Она позволила хозяину проявить вежливость. Пальто соскользнуло с плеч ему в руки.

– У меня, к сожалению, кофе нет, есть только чай. Могу открыть шампанское в честь знакомства.

– Не надо, у меня самолёт через три часа.

Он кивнул и отправился на кухню кипятить чайник. Вик-

тория по обыкновению заглянула в ванную помыть руки и заметила отсутствие зеркала. Позже она поняла, что в квартире вообще нет зеркал.

– А я ведь до сих пор не знаю вашего имени, – произнесла она, занимая предложенный стул.

За небольшим окном открывался вид на соседний дом. С улицы доносились гудки проезжавших машин.

– Мелькарт Тессера, – ответил мальчик.

– Прямо как языческого бога.

– Правда? – он с деланным удивлением воззрился на неё.

– Вам это не было известно?

– Я не силён в мифологии.

– Не очень-то верится.

– Почему?

– Не знакомый с мифологией человек осведомлён о философском камне? Выглядит невероятно.

– Вас не проведёшь.

– Не старайтесь.

Из отверстия закипавшего чайника повалил дым. Хозяин разлил по бокалам свежую ароматную заварку, приятно пахнущую персиком, и кипяток.

– Сахару? – предложил он.

– Я пью без сахара.

– Не любите сладкое?

– Не особо.

– А я люблю. Я страшный сладкоежка.

– Про вас не скажешь.

– Да, пожалуй.

– Сколько вам лет?

– Двадцать. А вам?

– В январе исполнится семьсот тридцать пять.

– Срок, – улыбнулся Мелькарт.

Виктория улыбнулась в ответ.

– Это сложно? – спросил он.

– Жить семьсот тридцать пять лет?

– Да.

– Первые сто—двести лет – чрезвычайно сложно. Затем воспринимаешь жизнь как игру, поднимаешь ставки всё выше, рискуешь и ждёшь результата. Единственное, что мучает – скука.

– Я вам завидую.

– А я вам.

– Почему? – в изумлении он изогнул бровь.

– Потому что вы смертный. Потому что вам есть, за что держаться, чем дорожить. Потому что те, кого любите, не успеют остаться пустыми воспоминаниями, словно перевёрнутая страница, даже если уйдут раньше.

– А если я никого не люблю?

– Это ложь.

– Опять не верите?

– А как же родители?

– Их нет.

– Братья, сёстры?

– Нет.

– Друзья?

– Всего лишь попутчики на промежутке времени.

– Девушка?

– Нет.

Виктория прищурилась.

– Вы не семьянин, – не вопрос, а утверждение. – И постоянно в разъездах.

– Да.

Склонила голову, изучая сидевшего напротив юношу, который с улыбкой помешивал чай.

– Вы одиночка. Не нуждаетесь в людях. Общество само к вам тянется. Потому что вы интересный. Красивый. Настойчивый. Сильный. Умеееете завоёвывать внимание, умеееете нравиться тем, кому хотите. И нравитесь просто так. Полагаю, есть даже люди, которые по вам с ума сходят.

– Как чётко вы описали меня.

– Простите, если была резка.

– Нет, мне понравилось.

– Я констатировала факты.

– Я понял, что это не комплименты. Вы быстро считываете и анализируете информацию.

– Опыт, – она пожала плечами.

– И талант, – добавил Мелькарт с нотками уважения.

Это был замаскированный комплимент?

– Почему не пьёте чай? – спросил он.

– Горячий.

– Можете ещё про меня что-нибудь рассказать?

– Могу, только зачем?

– Редко когда смотришь на себя чужими глазами.

Станный разговор. Виктория продолжила наблюдение. Что у Мелькарта было внутри? Буря эмоций? Штиль? Ни то, ни другое не замечалось в омутах обсидиановых глаз. Смертный с именем древнего забытого бога.

А потом они говорили ещё. Обсуждали политику, последние принятые законы, некоторых выдающихся личностей и достижения человечества. Спустя полтора часа Виктория поймала себя на мысли, что ей нравилось общаться с Мелькартом: его нелегко было подловить и он не относился к числу тех, от кого начинала болеть голова. Чай успел остыть, а они всё говорили, пока Виктория не бросила взгляд на часы.

– Мне пора, – она встала из-за стола, мальчик поднялся следом.

– Я благодарен за визит.

– Не стоит. Я всегда рада хорошему собеседнику.

Уже надевая пальто, она спросила:

– Так что же это за перстень?

– Не удержались? – Мелькарт победно усмехнулся.

– Мне всё равно, – решив не сдаваться, бросила Виктория на прощание и вышла. Дверь за ней закрылась.

Самоуверенный мальчишка. Ему удалось расположить к себе. Женщину мучило предчувствие, что она ещё свидится с Мелькартом: интуиция в подобных вопросах никогда её не подводила. Последние обронённые фразы были далеки от прощания, скорее, напоминали предложение новой встречи. Будто уже завтра пропустят по коктейлю. Ведь именно так происходит у обычных людей?

Мелькарт не относился к обычным людям.

За прошедшие столетия Виктория успела познать разных мужчин. Любовника она не искала. Любая новая игрушка, даже самая хорошая, довольно быстро надоедала бессмертной. Нет, Викторию томила жажда иных отношений.

И прежде всего – желание найти наследника.

Глава 2. Враг даёт о себе знать

Затерянные в песках города имели свою прелесть. Неторопливый размеренный образ жизни, присущий восточному народу, контрастировал с поспешностью Запада; само нахождение в Марокко внушало покой, который порой необходим каждому. Дом на побережье Атлантического океана вот уже более тридцати лет служил пристанищем для фрау Морреаф. Время от времени она приезжала в любимый уголок, но затем сбегала, боясь увязнуть в мирном и тихом спокойствии, засасывавшем в наркотический сон с ароматом тёплого солёного ветра.

В аэропорту Рабата Виктория получила сообщение о приезде Неми Ларсен. Зачем мисс Ларсен искала встречи, догадаться было нетрудно. Но, вероятно, разговор не терпел отлагательств, если девушка решила ради этого в срочном порядке покинуть Англию.

Экономка Мэри обнаружила хозяйку на парковке. Высокая, худощавая, в глухом закрытом платье и с убранными на затылке волосами, сорокалетняя служанка представляла собою образец порядочности и скромности. Она не делала ничего, что могло бы подорвать доверие Виктории Морреаф, тщательно оберегала известные ей тайны и с точностью исполняла поручения. Её главным достоинством было умение держать рот на замке, которое так недоставало другим.

А ещё она всегда всё понимала.

Понимала и нежные чувства мисс Ларсен к Виктории. Понимала порывы юной девушки, без конца делавшей попытки прикоснуться к личной жизни знаменитого мецената. Но фрау Морреаф не пускала её дальше, чем той хотелось. Похоже, умирающую от скуки Викторию забавляли неосторожные чувства мисс Ларсен, и женщина позволяла любить себя таким, несомненно извращённым, способом.

А всё началось несколько лет назад. Неугомонная дочь мультимиллионера не давала покоя никому, и однажды, устав от её выходок, на светском приёме изрядно подвыпивший мистер Ларсен заявил, что немедленно выдаст Неми замуж. Разумеется, встал вопрос о кандидате, и, не найдя ничего лучше, он сказал, что пусть это будет первый, кто войдёт в зал. Красная, как рак, Неми не знала, куда прятаться, как внезапно отворилась дверь. Общество напряжённо поджидало счастливчика, а им оказалась Виктория Морреаф. Женщина заметила глупые улыбки и странные взгляды, спросила, что происходит, а получив ответ, решила не разряжать достигнутый накал. Неми, успевшая облегчённо вздохнуть, с ужасом вдруг поняла, что женщина направляется к ней. Виктория подхватила горячую ладонь и прижала к своим губам.

– В таком случае я смею просить вашей руки, очаровательная мисс Ларсен, – произнесла Виктория низким голосом, поддерживая атмосферу волнующего интимного мо-

мента.

Момент и вправду был интимный. Аромат розового масла, пропитавшего кожу Морреаф, приятно оседал в лёгких, на тыльной стороне руки остался гореть поцелуй. Неми сглотнула. Сил говорить не нашлось. Виктория одарила её улыбкой, которую не увидел больше никто, – улыбкой, предлагавшей себя, нежной и чувственной, которая казалась иллюзией на фоне зала, ярко освещённого золотом и фальшью.

– Я украду невесту, – добавила Виктория, коварно обвила стан взволнованной Неми и повела к выходу. Окружающие со смехом наблюдали за представлением. Двери закрылись, герои исчезли, и люди благополучно обо всём забыли: вечер продолжался и сулил много замечательных моментов. Никому не довелось узнать, что Виктория Морреаф посадила новоиспечённую «невесту» в машину и увезла в неизвестном направлении. А вскоре после инцидента мир узнал в Неми Ларсен автора скандально известных работ, не раз поднимавших волну в умах общественности. Кто или что заставили Неми совершить столь неожиданную метаморфозу, догадывались немногие. Мисс Ларсен была без ума от женщины. От женщины, которая со снисхождением наблюдала за стараниями птенца и забавлялась этой необычной привязанностью.

– Как Рим? – задала вопрос Мэри уже на пути домой.

– Ничего особенного, – повела плечами Виктория, вырываясь из раздумий.

– Были слишком заняты делами?

– Да.

– Что на этот раз?

– Похищение людей, экзорцизм, спасение. Всё как всегда.

– Вашей доброте нет границ.

– Доброте? – брови Виктории приподнялись. – Разве это доброта?

– А как ещё это называется? Вы финансируете лечение больных детей и деятельность молодых учёных, вкладываете деньги в открытие школ, содержите сиротские приюты. Часто принимаете участие в раскрытии преступлений, помогаете полиции...

– Мне просто скучно.

Мэри, держа в руках руль, изредка бросала взгляды на отражение зеркала, желая увидеть лицо хозяйки. Лицо тридцатилетней женщины, принадлежавшее человеку, которому на самом деле перевалило за семьсот. Горбатый нос, аккуратные изгибы чёрных бровей, глаза стального, холодного цвета, выразительные скулы – эта красота не принадлежала ни современности, ни двадцатому столетию, ни эпохе романтизма; нет, это была куда более древняя красота, нечто средневековое. Внешность, идеально сочетавшая пропорции суровости, жёсткости, неких затаённых секретов и скрытой сексуальности, взрывавшейся подобно атомной бомбе, перераставшей в удивительные произведения искусства. Внешность, которую невозможно назвать эталоном, но она по-

прежнему захватывала воображение, потому что за ней – сила, за ней – история, за ней – богохульство. Виктория Морреаф не была красавицей по меркам развитого двадцать первого века, однако вся её натура издавала страшное обаяние, и это покоряло.

– Тебя что-то тревожит? – вдруг спросила она.

– Нет, – мотнула головой экономка. – Ничего.

– Не лги мне.

Взгляды женщин, суровый, пристальный с одной стороны и рассеянный с другой, встретились через отражение зеркала.

– Просто я подумала... Вы выглядите печальной.

Виктория отвернулась к окну.

– Что-то случилось, не так ли? – продолжила Мэри.

– Едва ли.

– Тогда почему ваши агенты не могут до вас дозвониться?

– Потому что я никого не хочу видеть.

– Мистер Томпсон был так обеспокоен вашим исчезновением, что даже приехал сюда.

– Куда приехал?

– В Марокко. Он сейчас тоже в Рабате.

– Вот неугомонный. Ладно, пусть заглянет ко мне вечером.

– Я слышала, мисс Ларсен тоже здесь будет?

– Да. Но с ней я поговорю завтра.

Остаток пути был проделан в молчании.

Восточное поместье, уникальное средоточие роскоши и покоя, встречало ароматом густого кофе, коробкой рыхат-лукума и мягкими подушками. Через открытый балкон в комнату, где расположилась Виктория, врвался свежий океанский бриз. Слух ласкали приятное потрескивание цикад и шелест невесомой тюли.

– Я наполню ванну горячим молоком, как вы любите, – заботливо предложила Мэри.

– Было бы славно.

– Вы рады возвращению?

– Я долго искала место, где могла притаиться. Конечно, я рада.

– Если хотите, я позвоню мистеру Томпсону и отложу визит.

– Не стоит, – лениво ответила Виктория. – Лучше приготовь кальян. Мне не мешает расслабиться.

– Вы уверены? – лицо экономки помрачнело.

– Мне нравится кальян на молоке. Спасибо.

– Я не думаю, что вам так уж необходимы наркотики. Если хотите знать моё мнение...

– Считай это приказом, – голос фрау Морреаф прозвучал жёстче.

Сотни возражений мечтали сорваться с губ, но Мэри их проглотила.

– Я лишь пытаюсь помочь, – выдавила она сквозь зубы.

– Тебе ли не знать, что моё сердце работает, как вечный

двигатель?

– Вашему упрямству когда-нибудь наступит конец?

Виктория пожала плечами, однако равнодушный жест не сумел обмануть служанку.

– Не издевайтесь над моей совестью, – вздохнула Мэри и, пригрозив до конца вечера игнорировать странные просьбы, отправилась готовить ванную.

Гарри Томпсон объявился с наступлением сумерек. Как всегда, одетый с иголочки. На внедорожнике, с личным шофёром.

Член акционерного общества и управляющий компанией «Walpurgis adherents» пользовался особым доверием. Несколько лет назад его назначили на должность, ради которой многие рвали глотки, но, в отличие от остальных, Гарри Томпсон проявил удивительные чудеса изворотливости: в трудные времена его соображения помогли компании не потерять уровень.

Улыбка скрасила лицо Мэри, когда она окинула взглядом увеличившийся живот мистера Томпсона, округлившиеся щёки и ровный загар: мужчина ни в чём себе не отказывал.

– О, миссис Говард, вы хорошеете день ото дня! – игривым тоном произнёс он.

Экономка закатила глаза.

– Фрау Морреаф сейчас занята. Пожалуйста, проходите в гостиную. Вам принести чаю или кофе?

– Ничего не надо, спасибо, – мотнул головой Гарри.

Пока она возилась с гостем, устраивая его со всеми удобствами, в комнату вернулась Виктория. Томпсон заметил госпожу первым и вскочил с уже занятого дивана. Мэри предпочла не оборачиваться, затылком чувствуя знакомый оценивающий взгляд. Томпсон также не выносил его и в течение минуты скомкано пытался объяснить цель своего визита, изо всех сил держась под гнётом ледяных глаз. Когда пытка закончилась, ему позволили сесть обратно и даже предложили отужинать. Экономка оторвалась от созерцания старинной вазы и посмотрела на хозяйку. Виктория не удосужилась даже расчесаться, её мокрые волосы цвета воронова крыла беспорядочно свисали до пояса. Халат едва прикрывал икры и грудь. Впрочем, беспокоиться за неё не стоило – вряд ли гость будет настолько глуп и самонадеян, что позволит хотя бы один непристойный намёк. Всё-таки он не зря занял высокое положение. Гарри был достаточно умен и понимал, что соблазнять его здесь никто не собирался, и, как бы ни щемила душа, признавал за фрау Морреаф право поступать так, как вздумается.

Остаток вечера они провели за обсуждением новых мероприятий и высказыванием соображений. Несколько раз у Виктории звонил мобильный, но она отмахивалась, а потом и вовсе закинула телефон в угол. Когда перевалило за полночь, хозяйственная Мэри принесла кальян. Идею расслабиться Гарри встретил с восторгом, и вскоре гостиную за-

волокло дымком. Пахло табаком и яблоком.

Перебравшись на балкон, они некоторое время любовались ночным небом и искрящимся золотым полумесяцем. Документы, в которых нужно было расписаться, заполонили стол и разлетелись от ветра по полу, но на них не обращали внимания. Как и на Гарри, который боязливо поглядывал в сторону хозяйки. Наркотик ударил в голову, и Виктория против воли почувствовала отвращение – к своему агенту, слишком никчёмному, чтобы преодолеть страх, к остывшему миру, к себе...

Она расписалась в бумагах только чтобы поскорее избавиться от довлеющей реальности.

– У меня к вам просьба, – женщина проигнорировала взволнованный взгляд подчинённого. – Соберите всё необходимое для передачи акций «Walpurgis adherents» на имя другого человека.

– Что? Вы хотите подарить акции?

– Сделайте то, что я сказала. И держите язык за зубами.

Томпсон посидел ещё немного возле директора компании, смущённый неожиданным решением. Он не знал, как подобраться к ответам, которых Виктория не собиралась давать. Сбитый с толку, он забрал документы, отвесил неуклюжий поклон и скрылся в дверях.

– Тебе нравится? – спросил Гарри у своего шофёра, когда забрался в салон.

– Что именно?

- Ну, всё это... Восток. Тайны.
- Нет, – равнодушно отозвался шофёр.
- Хотел бы я знать, почему ей нравится.

Ночь озарилась предрассветным пламенем, захлестнувшим небо и погрузившим его в жуткий багровый цвет. Земля повеяла жаром, а океанские воды, которые ещё вчера омывали пески, отхлынули к горизонту. Горло сдавило от невыносимой жажды, попытка закричать обернулась прокушенной губой, и непослушное тело оказалось подвешено между раем и адом. Пронзительный гул раздался из ниоткуда. Оскверняя мир мощным звучанием, он заставлял биться в конвульсиях и чувствовать, как вытекает из ушей кровь.

*Тот День,
Когда раздастся трубный глас
И толпами пойдёте вы;
Вратами распахнутся небеса,
Исчезнут горы, словно в мираже.
Поистине, засадою предстанет Ад,
Обителью предназначенья для неверных.*

Почему эти строки пронеслись в сознании, как бич, и почему не хватало сил глотнуть воздуха? Огонь сжигал под ногами почву и тревожил мёртвых, которые восставали из могил вместе со своими грехами. Не было спасения проклятым и проклиняемым. Перед глазами, словно в доказа-

тельство вины человечества, смешивались в водоворот воспоминания.

Жертвоприношения. Костры инквизиции. Крестовые походы. Рабство. Иго. Уничтожение народов. Мировые войны. Холокост. Узаконенное насилие. И пробирающий до костей запах гнилых яблок.

Виктория проснулась со стоном и тяжелой головной болью. Лицо было горячим и влажным от пота. По глазам ударил солнечный свет, а слух уловил крики муэдзина. Марокко, Рабат, поместье на побережье... Реальность постепенно выстраивалась. Что касалось странного до омерзения сна... Столь яркие картины гибели человечества могли возникнуть в воображении только под действием наркотиков.

Ещё одно неприятное обстоятельство – настойчивые телефонные звонки. Первые полминуты Виктория провела в тщетных попытках отыскать его в гостиной, где она, судя по всему, уснула после переговоров с Томпсоном.

– Алло, – хриплый выдох в трубку.

– Ааа... Я говорю с Викторией Морреаф? – мужской голос изо всех сил старался управиться с чужой для него английской речью.

– Пока ещё да.

– С вами говорит офицер полиции Саид аль-Рашид.

– Ассаляму алейкум, чем обязана?

– Вам знакома девушка по имени Неми Ларсен?

– Да.

– У меня плохие новости. Она мертва.

— Ты знаешь, что такое Тьма? — прозвучал в тишине голос.

– Нет.

– Тьма была в самом начале. Тьма была всюду, и всё было Тьмою. Через Тьму всё началось, через её непостижимость и вечность. Среди живых и мёртвых нет никого, кто познал бы до конца всю её глубину и тайны. Тьма вечна. Тьма мертва. И через Тьму рождается жизнь.

Чиркнула спичка. Слабый огонёк озарил кончик сигареты, и по воздуху пополз дым.

– А вы боитесь Тьмы?

– Людям свойственно бояться того, чего они не понимают. Разве не так ты говорила ещё вчера? – лёгкая усмешка в тишине. — Чем бы ни была Тьма, стоит отдать ей должное: она влияет на каждого, и на меня в том числе. Но я боюсь не Тьмы. Я боюсь того, к чему Тьма меня приведёт.

На руку женщины легла горячая маленькая ладонь.

– Значит ли это, что вы боитесь себя? — осторожный вопрос, проникнутый тревогой и нежностью.

– Кто знает, что прячется за нашим отражением в зеркале.

Виктория запустила пальцы в шелковистые волосы Неми Ларсен.

– Не впускай Тьму в свою душу, прогони страх и отчаяние. Оставайся лучом света до самого конца, до последней капли крови.

– Но это больно...

– Да.

В красивых глазах отразилось смятение.

– Возможно, я буду страдать... Но почему? Почему я так нужна вам?

– Потому что ты — Солнце. Ты разгоняешь мрак... любишь истину... топшишь в сердцах лёд и ослепшим открываешь глаза.

Тяжёлое дыхание. Стон.

– И я люблю твою невинность. Завидую твоей святости. Берегу эту трогательную душу. Защищаю слабость.

– Почему? — беспомощный, безысходный вскрик.

– Потому что ты принадлежишь мне, — глаза полыхали ненавистью. — Я и есть Тьма.

Виктория склонилась над трупом белокурой девушки. Та лежала на постели, безвольно раскинув руки в стороны. В окровавленной груди зияла дыра.

– У неё вырвали сердце, — сообщил офицер марокканской полиции, зажимая платком нос. – Признаться, прежде мне не доводилось сталкиваться с таким. Да смилуется над нами Аллах!

– Хладнокровно. Жестоко. Целенаправленно, – Виктория

заглянула в остекленевшие зелёные глаза.

– Последние звонки с её телефона сделаны вам.

– Да, она весь вечер пыталась до меня дозвониться.

– До полуночи, – пояснил Саид.

Виктория, услышав это, сглотнула.

«Неми знала, что её собирались убить».

– Мы уже сообщили родственникам. Они заберут тело в Англию и там у себя похоронят, – добавил полицейский.

«У Неми Ларсен украли сердце. Сердце, которое она по неосторожности вручила мне», – проносилось в сознании.

Виктория провела рукой по застывшему лицу девушки, касаясь холодных скул, приоткрытых губ, волос. Луч света потонул во Тьме.

– Помнишь, я дала клятву? – шепнула мёртвой, так доверительно, словно их ничто не разделяло, а с неподвижных уст вот-вот мог раздаться ответ. – Не позволять лжи отравить нашу веру, а тайнам породить сомнения. Ты что-то хотела мне рассказать. Что? Теперь я готова выслушать, но ты и рта не раскроешь. Как жаль...

– Что за вакханалия! – воскликнул Саид, с возмущением оглядывая номер отеля. – Будто языческое таинство, дьявольский ритуал! Откуда у людей берётся эта жестокость? Откуда это безумие? Вытащить сердце из груди... Уродство!

– Раньше в Рабате случались подобные преступления?

– Клянусь Аллахом, никогда не слышал, чтобы у нас в стране людям сердца вырывали!

– Что говорит администратор отеля?

– В номер мисс Ларсен никто не приходил. О ней не спрашивали, не интересовались. Камеры не зафиксировали ничего странного.

– Кто-нибудь помимо мисс Ларсен в отель вчера заселился? Или, быть может, съехал?

– В том-то и дело. Неми Ларсен единственная, кто снял номер за последние дни. Этот отель не пользуется популярностью, редко кто из туристов заглядывает сюда.

– Почему?

– Далеко от пляжа, неблагополучный район. Я думаю, во всех нормальных отелях комнаты уже были заняты, а мисс Ларсен срочно хотела остановиться в Рабате.

– Получается, преступник залез через окно? – Виктория прошла на балкон. – Всё открыто, свободно, и забраться наверх труда не составит.

– Убийца знал о приезде мисс Ларсен, не так ли? Это не кража. Из вещей всё на месте. Значит, он ждал только её, – полицейский задумчиво посмотрел на труп. – Но зачем вырывать сердце? Можно было выстрелить. Зарезать ножом. К чему такая жестокость? Мисс Ларсен должна была сопротивляться, кричать. Но в отеле никто не слышал шума. Значит, он её оглушил, усыпил? А потом стал вытворять такое?

Саид указал на рану.

– Рёбра ровно приподняты. У убийцы был специальный инструмент. Он точно знал, что делал. Возможно, Неми Лар-

сен – не первая, над кем он поработал.

Лицо араба преобразилось.

– Это маньяк, – произнёс он с полной уверенностью. – Тварь получала удовольствие от своих действий.

Виктория чувствовала, как голова наливается свинцом. В висках обострилось дикое напряжение. Запах крови и окоченевшего трупа начал вызывать рвоту.

– С вами всё в порядке? – обеспокоенно спросил Саид, когда женщина внезапно пошатнулась.

– Да. Продолжайте следствие, – отмахнулась она от полицейского и побежала к выходу.

Желудок бунтовал.

Спустя минуту в подворотне, уцепившись за стену, Виктория содрогалась от кашля и сплёвывала чёрную слизь. Лицо перекосилось от боли и отвращения, с губ стекали страшные последствия сигарет и наркотиков. Яд медленно выползал из внутренностей, освобождая организм.

Кулак врезался в стену, и на камне прорезалась тонкая трещина.

– Вы уезжаете? – удивилась Мэри, увидев, как фрау Морреаф заказывает ближайший рейс до Лондона.

– Да.

– Но вы только вчера прилетели!

– Нужно выяснить, кто убил Неми.

– Хорошо, я соберу ваши вещи, – обречённо выдохнула

экономка.

– Подожди...

– Что? – обернулась на пороге Мэри.

Виктория не отзывалась.

– Фрау?

– Я... Знаешь, это я виновата...

– О чём вы говорите?

– Неми приехала сюда не просто так. Она собиралась передать какую-то важную информацию. Возможно, связанную со мной. А я не отвечала на звонки.

– Но вы ничего не знали.

– Слабое оправдание, не находишь?

Из отражения зеркала на Викторию смотрел бледный двойник.

– У нас с Неми была особая связь. Кто бы ни отнял жизнь этой девочки, он точно знал, что нужно делать.

– Вы обязаны найти его! – в голосе Мэри зазвенела сталь. – Мисс Ларсен не заслужила такую чудовищную смерть!

– Неми вообще не заслуживала смерти.

Женщина будто из последних сил поднялась с дивана, медленно и грузно. Приблизилась к зеркалу, из которого на неё враждебно взирало отражение, прочертила ногтями вдоль тела. Казалось, любое движение доставляло боль, просторное чёрное платье оттеняло болезненное состояние. Но экономка давно научилась понимать свою госпожу, по-

этому продолжала стоять в дверях вместо того, чтобы усадить обратно на диван и тем самым облегчить страдания.

Это были муки гнева.

– Он не просто убил её, – произнесла фрау Морреаф, едва сдерживаясь, чтобы не зарычать от ярости. – Он бросил мне вызов. Показал своё хладнокровие, ловкость, коварство. Явил лишённую сострадания сущность. Кто он? Как его зовут? Встречались ли мы? Это интересно... Я уже чувствую, как азарт воспаляет вены. Он знает, что я не прощу смерть Неми. Не только потому, что мне жаль эту пылкую девочку с чистым сердцем. Просто я ненавижу терять своих людей, ненавижу прощаться с теми, кто любил меня! Они уходят один за другим, бросают меня, а мне приходится смотреть на их могилы. Отвратительно... невыносимо... больно!

Виктория оскалилась.

– Как-то мой друг сказал: «Самый страшный зверь – не тот, у кого сила, а тот, кто лишён сострадания. Сильный умеет прощать. Сильный способен остановиться, когда нужно нанести удар. Бездушный – никогда. Он зальётся кровью виновных и невинных, не замечая между ними разницы. И оттого ему нельзя сохранять жизнь. Потому что он вернётся и отнимет твою, приняв сострадание за признак слабости».

Мэри обхватила себя руками.

– Может, вам...

– Иди.

– Но...

– Убирайся! – в порыве ярости Виктория смахнула со стола лампу. – Мне ничего не нужно!

Мэри не стала спорить и тихо выскользнула из комнаты.

На осколках разбитого светильника играли лучи.

Солнце достигло зенита.

– Тебе знакома эта боль, не так ли? – спросила Виктория в пустоту. – Что ж, я тоже не проявлю сострадания.

Глава 3. Осень в Лондоне

Стоял туман. Моросило.

На Хайгейтском кладбище собрался ближний круг: члены семьи, родственники, друзья и коллеги погибшей.

Мистер Ларсен, бледный и небритый, трясущимися руками опирался на зонтик-трость, миссис Ларсен прижимала скомканный платок к лицу. Неми хоронили в закрытом гробу. Священник читал молитвы, его слова о скоротечности жизни тонули в потоке ветра.

Чарльз Уидмор бросил красную розу в могилу. Цветок упал на крышку гроба рядом с другим цветком, белоснежным. Нежные лепестки соприкоснулись, будто в случайном поцелуе. Чарльз вздрогнул, посмотрел вперёд и натолкнулся взглядом на изящную высокую женщину в пальто. Зрительная связь продержалась несколько секунд, после чего парень, ощутив смятение, отвернулся.

– Это она? – спросил он мистера Ларсена.

– Кто? – не понял мужчина.

– Виктория Морреаф.

– Да. Она, – мистер Ларсен хотел было отойти, но Чарльз перехватил его за локоть.

– Что она здесь делает?

– Провожает мою дочь в последний путь. Как и мы все.

– Почему вы позволили ей явиться сюда?

– Послушай, у меня нет настроения выяснять отношения.

Мистер Ларсен выдернул руку из хватки племянника и направился к жене, которой приходилось выслушивать уже тысячное соболезнование. Чарльз поморщился и подул на окованные руки. Мелкие дождевые капли воровато стекали за ворот куртки.

– А вы мне не рады, – раздался позади голос.

Чарльз обернулся и увидел перед собой Викторину.

– Это из-за вас Неми умерла, – с вызовом ответил он.

– Считаете меня причастной к убийству?

– Считаю вас причиной убийства.

– Не понимаю.

– Да бросьте! Это ведь к вам Неми ехала в Марокко.

– Не спорю.

– Вы последняя, кто её видел.

– Нет.

– Нет?

– Нам не удалось встретиться.

– Даже так? – Чарльз горько усмехнулся. – А что, не успели?

– Не успели.

Парень фыркнул.

– Я знаю, что Неми была лесбиянкой, – вдруг добавил, сам не понимая, зачем. – Моя кузина влюбилась в вас без памяти. Я однажды заходил к Неми в комнату и увидел вашу фотографию на мониторе её компьютера. Она всегда отзы-

валась о вас с нежностью. А я испытываю только презрение.

– Меня не интересуют ваши эмоции. Я ищу убийцу.

– Убийцу? – Чарльз стряхнул с волос дождевые капли.

– Не желаете встать под мой зонт? – с растянувшейся на губах улыбкой предложила Виктория.

– Нет, как-нибудь переживу.

С минуту они сверлили друг друга взглядами. Ботинки Чарльза всё больше увязали в глине.

Мимо сновали люди с выражениями скорби и сожаления. Отвратительная погода нагоняла на лица суровость.

– Чем в последнее время занималась Неми? – первой нарушила молчание Виктория. – С кем общалась? Куда ездила?

– Писала статьи, работала, – пожал плечами Чарльз. – Если кто и был в курсе, то это сама Неми.

– Ей не поступали угрозы?

– Не знаю. Может, поступали, а может, и нет. Меньше всего кузина хотела беспокоить близких. С проблемами справлялась в одиночку.

– Я ни за что не поверю, что девушке вырвали сердце ради забавы, – сказала Виктория. – Убийца был прекрасно осведомлён о срочном отъезде в Марокко, о номере отеля, который Неми займёт. Всё спланировано заранее.

– Да, вероятно.

– Кому Неми говорила? Кто знал, где она поселится?

– Вы думаете, её убил кто-то из знакомых?

Женщина шумно вздохнула.

– В любом случае, доказательств нет. Скажите, мистер Уидмор, вы любили свою сестру?

– Всем сердцем, – ответил Чарльз.

– Тогда у вас один путь – помочь найти этого ублюдка.

– Что? – парень потёр красные от холода ладони. – Вы серьёзно?

– А, по-вашему, я здесь шутками разбрасываюсь?

– Пусть этим занимается полиция.

– Не беспокойтесь, полиция уже занимается. Я лишь хочу убедиться, что вы станете сотрудничать, а не отойдёте в сторону и сделаете вид, будто Неми никогда не существовала.

Виктория кивнула в сторону многочисленных родственников и друзей.

– Как думаете, они оплакивают Неми? Или притворяются, что им небезразлична её судьба?

Чарльз промолчал. Виктория сделала шаг вперёд, приблизившись к парню вплотную.

– Им всё равно, – горячие губы коснулись его уха. – После похорон придут домой и больше о девочке не вспомнят. Кто такая Неми Ларсен? Была ли она с нами? Для этих людей Неми уже не человек. Миф. Миф, который скоро забудется, развеется, как дым, под натиском времени. Знаете, кто останется? Убийца.

Чарльз посмотрел на женщину в упор.

– А кто Неми для вас?

– Боюсь, этого вы никогда не узнаете, мистер Уидмор.

Она качнула головой на прощание и направилась к аллее, ведущей к воротам церкви.

– Считаете себя лучше других? – беспомощно окликнул парень.

Но Виктория не обернулась.

Противный дождь продолжал моросить. Сырая земля липла к подошве сапог. Ветер безжалостно трепал одежду. Неимоверно хотелось припасть к чашечке кофе, сесть в кресло, закутаться плотнее в плед и слушать, как капли барабанят по окнам с улицы. Крест, символично украшавший крышу церкви, выглядел потерянно на дымчато-сером фоне небес.

Виктории не нравилось кладбище. Мрачное место. Особенно осенью.

Кап. Кап. Кап.

Как долго она спала?

Кап. Кап.

Шёл дождь. Струи текли по стеклу. Текли, как и её слёзы.

Вероника плакала. Почему? Она и сама не знала. Не понимала, что с ней происходит, почему внутри так пусто; не понимала, с чего вдруг листья на деревьях жёлтые, а по окну долбит дождь. Казалось, вчера пел соловей, и она любовалась красным восхитительным закатом. Вчера было лето. А сегодня – осень.

Она спала. И тело... Оно ей не принадлежало.

Вероника гладила нежный шёлк платья, гадая, откуда на ней эта дорогая вещь.

Случилось что-то непоправимое.

Комната. Нет, это была не её комната. Чужая. Незнакомая. Стены с узорчатыми обоями, камин, роскошная двуспальная кровать, в вазе – букет искусственных роз и шкаф, полный одежды.

«Где я?»

Вопрос ставил в тупик. В отчаянии Вероника схватилась за голову, пытаясь вспомнить хоть какие-то моменты, обрывки... Но нет. Пустота. Пробел.

Девушка осмотрелась в поисках зеркала. Хотелось взглянуть на собственное отражение, убедиться в реальности происходящего, в том, что она по-прежнему существовала. Хотя «существовала» – слишком жестокое слово.

Щёлкнул замок, скрипнула дверь, и в комнату вошёл молодой человек с круглыми очками на носу.

– Кто вы? – Вероника отскочила в сторону.

Незнакомец внулшал ужас.

– Ты не помнишь меня? – приторно-сладким тоном спросил он.

– Нет. Нет..., – девушка замотала головой под аккомпанемент внезапно грянувшего смеха.

Спустя мгновение Веронику озарило: дверь отперта, и если сбить парня с ног, возможно, удастся сбежать. Оттолкнув

его, она бросилась к двери, но незнакомец, очевидно, рассчитывал на такую реакцию, потому что успел схватить за волосы и развернуть к себе.

Девушка увидела его лицо вблизи: холёное, румяное, с ямочкой на подбородке и карими глазами.

Она хотела отвернуться, выдернуть руки из цепкой хватки, но не могла: особенность его глаз заключалась в удивительной и почти невыносимой притягательности, по силе подобной магниту. Она не знала, что это, как и не знала через мгновение собственного имени.

Парень с улыбкой смотрел на Веронику, ставшей неповоротливой мягкотелой куклой, готовой выполнять приказы.

А в то же время в нескольких кварталах отсюда молодой человек бегал по Лондону и расклеивал на столбах листовки с фотографиями миловидной темноволосой девушки, под которыми крупными буквами гласила надпись: «Пропала Вероника Вэйн. Кто-нибудь её видел?»

Виктория стояла посреди комнаты, совсем недавно принадлежавшей Неми Ларсен. Здесь ещё чувствовался запах хозяйки, словно она вот-вот вернётся, улыбочивая и взволнованная, упадёт на вечно неприбранную постель, сожмёт в ладони угол одеяла, рассмеётся внезапной шутке, а затем включит проигрыватель и будет наслаждаться сонатами Бетховена. Виктория привыкла видеть её живой, цветущей,

но теперь, оглядывая опустевшее помещение, с пронзительной ясностью ощутила себя лишней: каждый раз, когда кто-то уходил, на неё набрасывалось чувство вины. И ярость. Злость на Неми, на её слабость, на то, что девушке не удалось спастись, на проклятого ублюдка, вскрывшего ей грудь и оставившего за собой кровавый след, и, в конце концов, на себя. Всё складывалось совсем не так, как хотела Виктория, – а, впрочем, разве когда-нибудь было по-другому? Невозможно предугадать события: смерть повсюду. Жнецы ведут с людьми вековую неведомую игру, забавляясь. Ведь тем, кто стоит за гранью добра и зла, бывает скучно, а скука – самое страшное для бессмертных.

Неми Ларсен считалась закоренелым агностиком. Она допускала существование Бога, но не носила крестик и не читала молитв. Полицейские уже посещали комнату, но не обратили внимания на распятие, висевшее над изголовьем кровати. Бронзовая статуэтка Иисуса, пригвождённого за руки, являлась самым собой разумеющимся атрибутом для чужого глаза, и лишь Виктория могла с уверенностью сказать, что та Неми, которую она однажды увезла со светского мероприятия, никогда бы не использовала христианского идола как украшение интерьера.

Человек, отвергающий рассуждения и споры о Всевышнем, не причисляющий себя к приверженцам какой-либо религии, внезапно вешает на стену распятие.

Компьютер Неми был изъят для следствия, и потому

женщине пришлось довольствоваться содержанием книжной полки и ящиков письменного стола. Но ничего особенного не обнаружилось: в томиках классической литературы и беллетристики не хранилось записок или конвертов.

Пусто.

– Вы закончили? – в дверях возник мистер Ларсен.

– Да.

Мужчина кивнул.

– Что-то интересное нашли?

– Разве только подтверждение, что ваша дочь в последнее время чего-то сильно боялась.

– Боялась? – под суровым взглядом Виктории он с невинным видом пожал плечами, изображая недоумение.

– Вы этого не знали?

– Нет, конечно! Откуда?

– И вас не беспокоило, почему Неми повесила распятие?

– Ну, она стала ближе к Богу. Это ведь нормально.

– Неми не интересовали иконы. В её случае это как минимум странно.

– А я не вижу здесь ничего странного! – от волнения лицо мистера Ларсена покрылось красными пятнами. – Человек обратился к Богу. Что здесь такого?

– Не переживайте, я докопаюсь до правды.

– А дальше? Мою дочь всё равно не вернуть.

– Не жалейте её. Придёт время, когда живые позавидуют мёртвым, – губы женщины дрогнули в печальной улыбке.

Мистер Ларсен смотрел вслед уходившей Виктории Морреаф. На мгновение лицо пожилого мужчины искривило выражение глубокого отвращения. «Если бы не жалел», – прошептал он, – «всё сложилось бы иначе».

– Да, я слышал о смерти Неми, – редактор самой популярной газеты Великобритании откинулся на спинку кресла и сцепил пальцы домиком.

Черноволосая женщина в пальто вольготно расположилась напротив. Будучи известным меценатом, она не встречала препятствий в процессе расследования. Редактор Стивен Гонт не скрывал своего мнения: он считал Неми уникальным журналистом, которая умела доставать редкие и ценные сведения. Потерять её было большой трагедией для газеты.

– О чём в последнее время она писала? – спросила Виктория.

– Неми как-то упомянула, что готовит настоящую «бомбу». Будущая статья должна была взорвать общественные умы. Но конкретно о чём, умолчала.

– Вы видели черновики?

– Черновики? Нет, конечно же, нет.

Солнечный свет залил офис неприятной желтизной.

– Послушайте, – обратился Стивен Гонт к женщине, которая наблюдала за игрой лучей с искренней неприязнью. – Если бы мне хоть что-то было известно, я непременно бы

выдал все факты и догадки полиции. Но я понятия не имею, почему мисс Ларсен убили. Она хороший человек... Была хорошим человеком.

– И ничего странного вы за ней не замечали? Нервозность? Может, страх?

– Нет, нет. Неми всегда улыбалась, шутила. Ничего такого!

Виктория прикрыла глаза.

– Вам плохо? – обеспокоенно спросил Стивен.

– Всё в порядке. Просто я никак не могу выяснить, о чём таком особенном узнала Неми, что эта информация стоила ей жизни.

– М-да, – вздохнул он. – Общество будто с ума посходило.

– Что вы имеете в виду?

– Люди пропадают один за другим. Не читали нашей газеты?

– Нет.

– Представляете, выходят из дома, а обратно не возвращаются. Родственники их месяцами ищут, с ног сбиваются, а потом находят... Но уже не такими, как прежде. Пропавшие не узнают родных.

– Как это?

– Да вот так. Недавно одна женщина нашла сына, который исчез полгода назад. Встретила случайно на улице. Он шёл мимо, а её словно не видел. Бедняжка пыталась достучаться до парня, кричала, плакала, по щекам била, а он совсем

не реагировал. Не узнал собственную мать! Вот так.

– У него амнезия?

– Если бы. Врачи сказали, что ничего общего с амнезией его состояние не имеет. Что это, так и не удалось выяснить.

– Кто писал о нём статью?

– Неми Ларсен.

– Почему вы молчали?

– А что? Она много статей писала!

– Кто сейчас работает над этой темой?

– Алан Вэйн.

– Где его можно найти?

– Я напишу адрес.

Спустя час Виктория находилась у квартиры дома на Мэрилебон-роуд. Она собиралась нажать на кнопку звонка, но внезапно дверь распахнулась перед самым её носом. Появившийся юноша на ходу застёгивал молнию потрёпанной куртки. Завидев незнакомку, он вздрогнул, окинул её внимательным взглядом, затем, что-то для себя решив, быстро успокоился, достал блестящие ключи и хотел запереть дверь, но Виктория его окликнула:

– Мистер Вэйн?

– Да? – приглушённо ответил он, прищурившись.

– Мне нужно срочно поговорить с вами.

– Мы знакомы?

– Нет. Стивен Гонт рассказал мне о вас.

– А, вы из газеты...

– Не совсем.

Юноша провёл рукой по взъерошенным, не в меру отросшим волосам.

– Как вас зовут?

– Виктория Морреаф. Боюсь, этот разговор будет очень важным, он не терпит отлагательств.

– Хорошо, – Вэйн кивнул в сторону двери. – Заходите.

Виктория переступила порог квартиры. Её взгляд моментально зацепился за раскиданные тут и там вещи, за старые фотографии на стенах, пыльные полки и грязный пол. Скромное убранство всем видом кричало, что хозяин живёт один и позволяет себе лишь самое необходимое.

– Прошу в гостиную, – он указал на мятый диван. – Так о чём вы хотели поговорить?

– Вы знали Неми Ларсен?

– Да, это девушка работает со мной в газете. Она пишет хорошие статьи.

– Неми мертва.

– Вот как? – чёрные брови Алана поползли вверх. – Не знал.

– Я была её подругой.

– Сожалею. Но, видите ли, я мало общался с Неми. Мы здоровались в офисе, иногда пропускали по чашечке кофе, но не дружили.

– Неми участвовала в разработке темы, по которой вы пишете статьи. Это касается таинственных исчезновений лю-

дей, в частности, одного человека из психиатрической клиники.

– А, тот самый...

– Сколько случилось подобных историй?

– Много, – Алан рухнул в кресло, прямо на развёрнутый журнал, бог знает сколько времени там пролежавший.

– Поведаете подробности?

– Зачем? Я обо всём написал в статье.

– Хочу услышать версию автора. Правдивую. Полную. Не отредактированную и не урезанную цензурой.

– Причём тут Неми Ларсен?

– Я считаю, её гибель как-то связана с работой.

– Вы из полиции?

– Нет.

– Тогда нам не о чем говорить.

Виктория усмехнулась.

– Я кое-что вам покажу, мистер Вэйн, – женщина распахнула пальто и выудила из внутреннего кармана фотографию. – Взгляните, пожалуйста.

И положила её на столик. Алану достаточно было пары секунд, чтобы оценить жестокость расправы над молоденькой девушкой. Разодранная грудь с торчащими наружу рёбрами, море багровой крови и хрупкое полуголоое тело заставили схватиться за голову. С уст Алана невольно сорвался стон.

– Теперь вы понимаете, почему я здесь? – Виктория

с удовлетворённым видом расположилась на диване. – Тот, кто совершил убийство, ни перед чем не остановится. Его не волнуют ни законы морали, ни совесть. Он совершенно бесстрастен. А я не нуждаюсь в полицейском значке, чтобы найти его.

– Зачем? – Алан вытер горящее лицо. – Зачем?

– Это моё дело.

– Я вам не советую. Не лезьте туда!

– Так я не ошиблась, – губы женщины тронула победная улыбка.

– Да как же вы не понимаете! – Алан вскочил с дивана и принялся мерить шагами комнату. – С ними нельзя играть! Они убьют вас! И меня убьют! Всех, кто перейдёт дорогу!

– Обо мне не беспокойтесь. Вы сказали «они». Кто это? Группа?

Юноша помотал головой.

– Секта?

– Секта... организация... Не важно! Это ужасные люди! – он тяжело вздохнул. – Они устраивают эти странные исчезновения. Необъяснимо... Безумно...

– Расскажите мне всё.

– Нет! – выкрикнул Алан. – Я и так сказал слишком много! Будет лучше, если вы сейчас же уйдёте!

Виктория прикусила губу, обдумывая какую-то мысль, затем указала на фотографию, вставленную в блестящую рамку: на ней улыбались счастливые, как две капли воды похо-

жие друг на друга лица Алана Вэйна и незнакомой девушки.

– Ваша сестра?

– Это Вероника, мой близнец.

Женщина перевела взгляд на книжную полку, где прятался среди бесполезных сувениров наполовину полный флакон цветочных духов.

– Давно она пропала? – последовал закономерный вопрос.

– Что? – прошептал Алан, не веря своим ушам. – Как вы догадались?

– Это нетрудно. Ну, давно ваша сестра пропала?

– В августе.

– И это, без сомнения, сделали «они».

Юноша молчал. Лишь обречённо закрыл глаза. На его лице проступило мученическое выражение.

– Угрожали?

– Писали, что разделяются с ней, если не прекращу работать.

– И поэтому вы держите рот на замке...

– У меня нет выбора! – заорал Алан и в ярости сбросил со столика вазу. – Когда это касается жизни Вероники! Я пойду на все их условия! Сделаю всё, что прикажут! Если надо, буду в ногах валяться, если прикажут убить, убью! Я ни перед чем не остановлюсь!

– Откуда вам известно, что она ещё жива?

– Ниоткуда. Я просто верю в это. Верю их словам. Ничего другого ведь не остаётся.

– Ясно.

– Да что вам может быть ясно? Вы вините меня. Смотрите и вините...

– Я вас не виню.

– Ну, ещё бы... С другой стороны, кто вы такая, чтобы меня винить? Подруга убитой? По сути, никто.

– Для вас, мистер Вэйн, конечно, никто. Но поверьте, для этих выродков я значу куда больше.

– Они велели молчать. Я буду молчать. Пожалуйста, покиньте мой дом, – у Алана не было сил, чтобы продолжать разговор.

Виктория положила возле рамки продолговатую карточку.

– Вот моя визитка. Я всегда на связи.

После её ухода Алан некоторое время тупо смотрел в пространство. В душе парня шевелились змеи: колючий страх, осознание слабости и собственной бесполезности, тягучая ненависть, жалость к убитой Неми... Неровными шагами он приблизился к столику и взял визитку. На ней витиеватыми буквами, прямо над номером мобильного телефона, стояла надпись: «Виктория Морреаф, директор компании „Walpurgis adherents“».

Глава 4. Имя мне – Гнев

Что есть сон, что есть реальность? И как обнаружить границу между сном и реальностью? А может, мир, в котором живут люди, тоже сон? И как узнать, во сне ли происходят все эти кошмары или наяву?

Дни, ночи, дни, ночи... Всё сливалось в единое целое, не имевшее ни начала, ни конца. Как будто издали чувствуешь прикосновения чужих рук, обрывки фраз, голоса, что-то о тебе говорившие, выкрики, а затем – долгая протяжная тишина, резавшая не хуже ультразвука.

Время и пространство бесконечны. И понимаешь эту истину, когда находишься в глубинах своего «Я»: без воспоминаний, без возможности пошевелиться. Что такое тело и что такое мысль? Здесь они теряли всякое значение.

Если бы Майклу Абботу сказали, что со стороны он выглядел как молодой мужчина с отросшими на голове патлами, с лицом, хранившем абсолютно безэмоциональное выражение, смотревшими в одну точку глазами, он бы не поверил.

Потому что Майкл Аббот имел престижную работу, высокую должность, бешено дорогие часы и спортивный автомобиль. Потому что Майкл Аббот успешный человек. Он вспомнил бы себя именно таким, если бы проснулся. Но чудовищный сон не желал отпускать. Существовало две реаль-

ности: та, в которой Майкл вёл переговоры с иностранной делегацией и угощал выпивкой красивых девушек, и та, в которой он, как безвольная кукла, сидел неподвижно в палате, одинокий, жутковатый, жалкий.

– Только одно удерживает его в состоянии овоща, – сообщил психиатр. – Сильный гипноз.

– Его волю запечатали, – добавила Виктория, с интересом разглядывая безучастного пациента.

– Нам бы дверь найти.

– Но все двери к его подсознанию заперты?

– Да.

Врач беспомощно развёл руками и оставил женщину наедине с Майклом.

С минуту Виктория ничего не предпринимала. Мужчина не реагировал на посетителя.

Затем появилась зажигалка. Раздался короткий щелчок, и из отверстия вылез огонёк. Виктория поднесла пламя к равнодушным глазам пациента; на стеклянных радужках забегали блики, но зрачки не расширились. Майкл смотрел прямо на огонь, едва не задевавший глаза, однако не видел его. Пламя переключалось к носу. задело кончик, зацепило ноздри. Кожа покраснела. Остался ожог. Реакции на боль не последовало.

– Вот как? – выдохнула Виктория. – Значит, вы всё ещё их адепт, мистер Аббот. Ждёте приказа? Любопытно.

Сквозь маленькое решётчатое окно проглядывал закат.

Время от времени слышались стенания других душевнобольных, запертых в своих палатах, как в адских камерах. «Что за ненавистное место», – с оттенком презрения думала Виктория, выходя от пациента, помочь которому было невозможно.

В вычищенном коридоре стук её каблучков отдавался гулким эхом. Не обращая внимания на многочисленных медсестёр и безликих врачей, фрау Морреаф потонула в мыслях, как вдруг совершенно случайно взгляд упал на человека, шедшего ей навстречу.

– Александр! – окликнула она.

От неожиданности мужчина чуть не выронил документы.

– Вы? – воскликнул он, лишившись хвалёного самообладания. – Что вы, чёрт возьми, здесь делаете?

– Какая разница? – пожала она плечами. – Пришла проведать знакомого.

– Вы? Знакового? – Александр обвёл рукой пространство клиники. – Не пытайтесь играть! Я знаю причину вашего появления. хотя не был уверен, что вы вернётесь.

– В таком случае предупреждаю: нам не по пути, – женщина коварно улыбнулась. – Не буду задерживать.

Она собиралась скрыться за поворотом, но расторопный детектив из Скотланд-Ярда дёрнулся вперёд и схватил её за плечо прежде, чем потерять из виду.

Виктория оборачивалась мучительно медленно.

Александр знал, что не стоило так прикасаться к ней: это

не тот человек, которого можно трогать, когда вздумается. В её глазах пронеслась опасная буря. За те несколько секунд, пока рука сжимала чужое плечо, Александр успел представить, как появившееся из-под складок пальто лезвие молниеносно отрезает кисть. Прежде мужчине доводилось видеть, как это бывало с другими, и ему совсем не хотелось повторить судьбу тех смельчаков, оставшихся калеками до конца своих дней.

– Осторожнее, – предупредила Виктория. – Разве можно применять силу к даме?

– Я не закончил разговор, – он решил не сдавать позиции. Хотя плечо всё же отпустил.

– Меня не касаются заботы Ярда. Задеты мои интересы.

– Я знаю, – кивнул детектив. – Да я и не стану оспаривать ваше право на расследование. Я же не самоубийца.

Виктория не удостоила ответом его реплику. Александр Кроули напоминал своего предка, такого же самонадеянного, отчаянного авантюриста, готового рисковать всем ради достижения цели. Судьба заставляла её пересекаться с потомками старых знакомых, но она привыкла к этим играм, за семь столетий научившись распивать чай с отцом, а через полвека – с сыном, наблюдать за развитием династий, возвышением и падением рода. Семья Кроули была окружена мистикой. Самый известный её представитель Алистер Кроули вошёл в историю как один из сильнейших магов своей эпохи, создатель Таро Тота и основатель целого религиозного

течения. Виктория познакомилась с этим человеком довольно поздно, когда он уже получил широкое признание, и всегда держалась от него на расстоянии.

В отношениях с последним из рода Кроули всё обстояло иначе.

Александр унаследовал дар своего могущественного и великого предка. А вместе с ним и проклятие. Несмотря на гениальность и выдающиеся достижения оккультиста высшие силы заставили Алистера расплатиться самым ценным, что может иметь человек – потомством.

Не прихоть, а проклятие привело молодого детектива к Виктории Морреаф, и оно же привязало его к этой алчной, невообразимо жестокой бессмертной женщине.

– Здесь недалеко кафе, – Александр выдавил вежливую улыбку. – Побеседуем там?

Клинику они покинули вместе.

На улице только что закончился дождь. Воздух дышал запахом мокрого асфальта и пожухлых листьев.

За минувшие несколько месяцев, что они не виделись, подумал Александр, его загадочная подруга ничуть не изменилась. Хотя называть подругой Викторию Морреаф было бы слишком громко. Он знал её тайну, но не испытывал, подобно другим, благоговение: божественные черты причислялись вечной Мадонне, ореол святости окружал Мать-Терезу, – их возводили на пьедестал, им рисовали иконы, лепили статуи и кланялись, расшибая лбы, каясь в бесчисленных

преступлениях и умываясь очищающими слезами искупления. Виктория же напоминала языческую богиню, ослеплённую гордостью, великую, но ужасную, холодную, как могильный камень. И даже правильно казалось, что он встретил её именно осенью, а не в иное время года, – когда природа кругом угасает, мертвеет, и живые краски обращаются в грязь и чернь. Ещё юношей Александр почувствовал в женщине что-то неправильное, не вязавшееся с общей гармонией мира, а узнав её настоящую сущность, вовсе не удивился. Возможно, кто-нибудь и зажёгся бы к Виктории завистью, к судьбе отслеживать ход истории человечества, но только не он. «Вы хуже смертных», – как-то обронил Александр, задетый её очередной насмешкой. – «Пусть мы страдаем, но наши грехи не так тяжелы, как ваши. По крайней мере, мы видим свои ошибки, а вы давно перестали ощущать разницу».

Талантливый детектив был единственным, кто осмеливался говорить с ней на равных.

И кому это позволялось.

– Я знаю, что произошло с Неми Ларсен, – сообщил он после того, как устроился со своей знакомой за столиком.

Они сели друг напротив друга, словно давние соперники.

– Ваша любовница мертва.

– С удовольствием приму ваши соболезнования, – в её голосе снова прозвучала ненавистная ему насмешка.

– Не заметно, чтобы вы скорбели по мисс Ларсен.

Александр подался вперёд, вглядываясь в стальные глаза Виктории.

– Зачем вы вернулись в Англию? Задето ваше самолюбие, хотите поквитаться?

– Раз сами всё понимаете, почему спрашиваете?

– Потому что дело вовсе не в Неми Ларсен. Вы вернулись по другой причине.

– По какой же?

– Не знаю. Но вы ведёте себя подозрительно. Фрау Морре-аф никогда не стала бы носиться по туманному Альбиону из-за сопливой девчонки, какой бы хорошенькой она ни была.

– Я говорила, что вы слишком умны?

– Тысячу раз.

Нерасторопный официант притащил меню. В помещении витал сигаретный дым и острый аромат чьих-то духов, из колонок била музыка, а немногочисленные посетители сидели угрюмо и зажато.

– Возможно, ответить на ваш вопрос мог бы Майкл Аббот? – произнесла Виктория. – Не зря ведь полиция им интересуется?

– С чего вы взяли? – поморщился Александр. – Кто он такой, чтобы им интересоваться?

– Вы шли в его палату, Кроули. Давайте не будем осложнять друг другу жизнь. Почему бы вам не признаться, что расследуете дело об исчезновении людей?

– Исчезновении? – он покачал головой. – Если бы только

исчезновении!

– Согласна, ситуация весьма... неприятная.

Виктории так и не удалось подобрать подходящее слово.

– Аббот зомбирован. Кто-то контролирует его сознание. Хозяину достаточно отдать приказ, и этот психопат уничтожит всю клинику. Пули, медикаменты окажутся бесполезны. Похоже, вы ищете гения гипноза, которому выгодно превращать людей в роботов, в идеальное орудие смерти. У меня два вопроса: кто он и по каким критериям отбирает жертв?

– А я боялся, что мне придётся расписывать красочную историю о мировом заговоре, – с облегчением ответил детектив.

– Так что вам известно об этом безумии?

– Мне не удалось докопаться до истины. Зато я знаю того, кому удалось. Неми Ларсен.

– Думаете, её поэтому убили?

– А вы в этом сомневаетесь?

Виктория сложила перед собой ладони.

– В её комнате я нашла крест.

– И что вас смутило?

– Неми Ларсен не считала себя христианкой. Не любила иконы. Не посещала церковь. Почему перед смертью она повесила на стену огромное распятие?

– Разумно предположить, что хотела защититься от злых сил, – Александр пожал плечами.

– Возможно, она боялась стать жертвой гипноза, – продол-

жила мысль Виктория. – Но чтобы ввести человека в транс, нужно как минимум его видеть. Неужели Неми...

– Лично знала преступников?

Женщина кивнула.

– Я не могу понять, почему она не обратилась в полицию, – произнёс Александр. – Неми Ларсен была известным журналистом, её словам любой дурак бы поверил. Стоило бросить клич, и все бы прибежали на помощь. Почему она скрывала это? Распятие же не один день висело. Выходит, она довольно долго уповала на Бога, прежде чем рвануть в Марокко и поселиться во второсортном отеле. И встретиться она собиралась с вами.

Детектив улыбнулся.

– Оо, – довольно пропел он. – Неужели этот гений гипноза как-то связан с вами?

– Вот я и пытаюсь выяснить как.

– Что ж, это дело становится всё более интересным. Меня любопытство по швам раздирает, а вас?

– Сейчас не время для глупых бравад, Кроули, – в голосе Виктории послышалось раздражение. – За свою жизнь я повидала немало сект. Сатанисты, фанатики, чёртовы экспериментаторы... Их деятельность представляет серьёзную угрозу. Они создадут столько проблем, что даже когда всё закончится, вы о них ещё долго вспоминать будете.

Она наклонилась вперёд, пытаясь быть ближе к собеседнику. Волна неизъяснимого удовольствия пробежала по спи-

не, когда она увидела, как карие глаза Александра наливаются алчностью и восхищением. Детектив понимал бессмертную, понимал болезненный укол задетой гордости, разделял ярость, с какой Виктория собиралась сожрать врагов, знал, какую чудовищную расправу учинит, и хотел стоять рядом с этой женщиной на правах победителя.

– Я уничтожу их, – вынесла вердикт Виктория.

– Фрау Морреаф, ну, неужели вы думаете, я позволю устраивать в городе беспорядки? Я ведь полицейский! Забыли, с кем говорите?

– Вы не самоубийца, – напомнила она.

– Не самоубийца. Вставать поперёк дороги – не мой профиль.

– Змей.

– Между прочим, змей у многих народов существо мудрое и благородное, – вывернул он с издёвкой.

С этим было трудно поспорить, тем более что некое неуловимое благородство текло у мужчины в крови и отчётливо проявлялось в облике: Александр обладал статной фигурой и привлекательными чертами лица. Тёмные брови придавали глазам выразительность. Недорогой марки костюм сидел безукоризненно.

– Вдвоём мы выйдем на них быстрее, – добавил детектив. – И потом, вы же понимаете, в стороне я всё равно не останусь.

– Вряд ли мне понадобится ваша помощь.

– Я предлагаю не помощь, а сотрудничество, – Александр произнёс это жёстко и несколько ядовито. – Помогают пусть ваши агенты, а я могу быть только союзником.

– Вот оно что, – женщина примирительно улыбнулась. – Железный детектив, значит? Что же, предложение принято. Не держите на меня зла! Порой я бываю невыносима. Вы, конечно же, правы. Вдвоём управимся с делом быстрее. Я совсем не против сотрудничества.

Александр прищурился, раздумывая, почему она вдруг резко изменила тон. Зная фрау Морреаф не первый год, в голову приходил только один вывод: её вновь охватило желание заполучить его. Виктория была коллекционером, ей нравилось разнообразие сильных волевых личностей, и по мере возможностей она окружала себя ими, словно игрушками.

Все эти годы Александр отчаянно сопротивлялся власти бессмертной, отказываясь участвовать в её порочных играх. Но обиды никогда не держал: на самом деле, ему даже нравилось странное внимание Виктории.

– Я не держу зла, – ответил детектив. – Рад, что мы договорились.

– Ничего не выходит.

– В смысле?

– Не могу объяснить. С этой девушкой что-то не так.

Парень стянул с носа смешные круглые очки, вытер слёзы и вновь обратился к сидевшему за письменным столом че-

ловеку, который лениво перебирал чётки.

– Ты утверждаешь, – произнёс тот, – что не в силах справиться с какой-то девчонкой?

В его голосе прозвучали нотки опасности. Парень задрожал всем телом.

– Она... она поддаётся гипнозу. Но ненадолго. Её сознание словно само по себе отсекает постороннее влияние.

В кабинете одиноко горела свеча. Чернильная тьма скрывала лицо хозяина, так что невозможно было понять, какую гамму чувств он испытывал, взирая на взволнованного ученика, который, как мямля у школьной доски, пытался оправдаться, почему не выучил урок.

– Винсент, – голос мужчины снизился до шёпота. – Ты трахал эту малышку в течение двух месяцев и говоришь, что понятия не имеешь, почему она стала недоступной?

– Она едва глаза мне не выдрала! – воскликнул парень. – И ведёт себя иначе. Она...

– Что?

– Перестала бояться, – Винсент плюхнулся в кресло и закрылся руками, со стыдом ощущая, как покрывается пятнами. – Простите, господин. Простите, я вёл себя глупо. Но я к ней больше не подойду.

Хозяин поднялся, обошёл стол и встал парню за спину.

– С каких пор ты боишься своих жертв? – с недовольством спросил он. – С каких пор стал изображать волка, загнанного овцой в тупик?

– Она не такая, какой была раньше, – покачал головой Винсент. – Вы не понимаете, она стала другой. Совсем другой. Я боюсь не её, господин. Я боюсь того, что она со мной сделает, если я снова попытаюсь вклиниться в сознание!

Мужчина поморщился.

– Ты меня разочаровываешь.

– Нет, господин... Я не хотел этого, – парень мотал головой, по-прежнему не отнимая от лица ладоней, захлёбывался словами и ныл, как побитая собака. – Простите. Простите! Но эта... эта дрянь выкачала из меня все силы. Я ощущаю пустоту. Пустоту...

– Интересно. Так как её зовут? Она столько времени находится в поместье, а я ни разу не встречал её. Отдал в подарок. Но, вижу, награда тебе не по зубам.

– Вероника Вэйн.

– Ах, Вероника! Хорошо.

– Что хорошо, господин?

– Я нахожу это забавным. В самом деле, забавно.

– Что забавно? – Винсент ощутил липкий холод.

– У всех, кого я когда-либо обучал, имена начинались с буквы «В».

– Нет! – выкрикнул парень, когда до него дошло, чем кончится разговор.

Одним резким движением мужчина сломал Винсенту шею. Раздался короткий хруст, а затем наступила тишина, прерываемая разве что дыханием хозяина.

– Я разочарован, – сказал он, рассматривая обмякшее тело. – Думал, ты способен на большее. Странно, тебя так рано сломали.

Войдя в комнату, он застал девушку за расчёсыванием волос. Напевая грустную мелодию, Вероника водила зубцами по рассыпанным шелковистым локонам, делая их и без того гладкими.

– Кто вы?

– Граф Рейналф Грэхем к вашим услугам.

– Вы хозяин этого дома?

– С чего вы так решили?

– Граф..., – Вероника, наконец, посмотрела на него.

Он ожидал увидеть затравленное одинокое существо, готовился к слезам и истерике, однако столкнулся со стеной похожего на айсберг спокойствия.

Должно быть, ей надоело ждать, когда покончат с несвободой и жизнью, и в этой роскошной комнате, где ныне покойный ученик предавался оргиям с её телом, Вероника обрела подобие внутренней свободы, а затем добила, каким-то образом отыскав лазейку и разрушив его собственное «Я». Превратила из убийцы в последнего труса.

– Я не только хозяин этого дома, – произнёс мужчина. – Я и ваш хозяин.

– Мой? – губы Вероники искривила язвительная усмешка. – Каким образом?

– Ваша жизнь и ваша свобода напрямую зависят от моего

желания.

– Вы слишком самоуверенны, граф Грэхем.

Ни одна жертва не осмеливалась так с ним разговаривать.

– Вы тоже.

Вероника окинула его взглядом. Лицо Грэхема отличалось искажёнными чертами, присущими высокородным людям, которые вступали в брак с собственными родственниками ради сохранения чистоты крови. Она знала их – высокомерных, богатых, искушённых, считавших себя центром мира, – и ненавидела всеми фибрами души.

– Что вы сделали с Винсентом? – поинтересовался граф.

– Того очкарика зовут Винсент?

– Звали. Так что вы с ним сделали? Он был до смерти напуган.

– Значит, он больше не придёт?

– Нет.

– Я ничего не делала.

– Как вам удалось его напугать?

– Говорю же, я ничего не делала.

– Я вам не верю.

– Ваше право.

– Вы совсем меня не боитесь?

– Нет, – собираясь встать, Вероника нечаянно опрокинула стул.

Тот с грохотом повалился на пол. Поднимать его она не стала. Подошла к мужчине едва ли не вплотную, так, что-

бы граф Грэхем почувствовал тепло хрупкого тела, спрятанного под белым платьем, и посмотрела на некрасивое лицо со смесью отвращения и усталости.

– Что вы обо мне знаете? – прошептала девушка. – Украли у брата, держите взаперти, надеетесь на что-то... Я не понимаю, зачем нужна вам. От меня ничего не зависит.

– Напротив, – ответил он. – От вас зависит молчание мистера Вэйна.

– Ах, значит, Алан знает о том, что вы вытворяете?

– Мне не нужно, чтобы этот выскочка писал статьи. Пока вы здесь, он ни словом не заикнётся о моих делах.

– Могли бы убить меня, а Алану соврать. Зачем сохранили мне жизнь?

– Я не собирался. Отдал Винсенту на растерзание. А он решил поиграть, так сказать, проверить на вас мастерство гипноза. Правда, по всей видимости, это стоило ему жизни.

– Бедный мальчик! – выплюнула Вероника. – Пришли спросить, каким образом я довела его?

– Да. Ведь ваше сознание отвергает постороннее вмешательство, знаете?

– Догадываюсь.

– Хорошо. Можете поведать о своём удивительном даре?

– Даре? – девушка сделала несколько шагов назад, запрокинула голову и рассмеялась. – Даре?

Лорд Грэхем чувствовал, что теряет терпение. Размахнувшись и ударил Веронику по лицу. Она отскочила в сторону,

на щеке остались следы его пальцев.

– Не своевольничайте, – пригрозил он.

Девушка потёрла ушибленное место, после чего с удивлением воззрилась на графа.

– Вы ударили женщину, – словно не веря своим глазам, сказала она. – Ударили женщину!

– Я не терплю подобного поведения.

– Вы не джентльмен. Джентльмены никогда не бьют женщин.

– А разве я говорил, что я джентльмен?

– Ударить женщину, – бормотала тем временем Вероника. – Как низко. Подло.

– Хватит.

– Вы ещё смеете... Вы! – она задохнулась от негодования.

Спустя мгновение Грэхем понял, что девушка просто играла.

Её жесты сквозили притворством.

Веронику насиловали на протяжении двух месяцев, она не смогла бы ошалеть от лёгкого удара по лицу. Нет, от такого сходят с ума люди, привыкшие к мысли о неприкосновенности, они любое нежелательное касание воспринимают как оскорбление. Вероника давно уже находилась не в том положении, чтобы устраивать сцены.

– А может, вы меня загипнотизируете? – продолжила она тем наигранным истеричным тоном, каким дамочки донимают своих мужей. – Давайте, давайте! Вам же нравится само-

утверждаться на чужом горе! Чувствуете себя сильным, поразив слабого?

Лорд Грэхем в очередной раз занёс руку, но цели не достиг: ловким движением Вероника перехватила парившую в воздухе кисть и крепко сжала.

– О, сильный мужчина! – заливаясь издёвками, смеялась девушка. – Давай, покажи, на что ты способен!

Он не собирался её избивать. Но и играть по её правилам не входило в планы.

– В чём дело? – спросила Вероника. – Батарейки сели?

Скрипнув зубами от злости, граф схватил её за шею и швырнул, как котёнка, к камину. Вероника чудом не угодила в открытый огонь: пламя задело лишь руку.

– Ай! – девушка шарахнулась в сторону и вцепилась в обожжённое место. – Ай!

– Впредь не будешь меня сердить, – настоятельно произнёс граф, довольный результатом.

– Но я ничего не сделала! – Вероника ныла, как обиженный ребёнок. – За что? Я ведь просто сказала, что нет никакого дара, вот и всё! Зачем сразу в огонь кидать?

– А разговоры про «сильных мужчин» ничего не значат?

– Каких сильных мужчин? О чём вы? Я только подойти успела, а вы... Хватит! Убирайтесь! Оставьте меня!

Мисс Вэйн уткнулась лицом в колени и начала раскачиваться взад-вперёд; со стороны это выглядело страшно. Тем временем Грэхем отчаянно соображал... Вероника и впрямь

напоминала ребёнка – должно быть, в этом таилась причина, почему Винсент не оставил на её коже ни одного шрама и синяка: она внушала элементарную жалость.

– Посмотри на меня, – попросил граф.

Вероника подняла голову. На её лице застыло выражение, присущее мученикам, которые долго терпят боль и всё ждут, когда Бог пошлёт избавление.

– Скажите, что я сплю! Это просто кошмар, так? Мне надо проснуться. Я очень хочу проснуться. Открыть глаза и оказаться в своей комнате, услышать, как ругается Алан, потому что опять пережарил тосты, хочу выглянуть в окно и увидеть родную лондонскую улицу. Пожалуйста...

– Ты снова играешь? – недоверчиво спросил граф.

– Играю? – её брови забавно сошлись на переносице. – Играю? Как я могу играть, когда меня ищет бедный Алан? Как я могу играть, когда жжёт рука? Это больно. Но вы, наверное, не понимаете. Ведь вас никто не любит. Если вы пропадёте, ни один человек не бросится на поиски.

Обычно за такие слова лорд Грэхем убивал. Но это был не тот случай.

Вероника сжалась в комок.

– Не холодно на полу? – безучастно поинтересовался он.

– Нет.

– Напоминаешь собаку.

– Зачем вы это говорите?

– Хочу понять, что в тебе не так.

– Можете считать меня собакой, это и будет относиться к разряду «не так». Теперь отстанете?

Грэхем пихнул её в бок, затем поставил ногу на грудную клетку девушки и надавил, вжимая в пол.

– Я здесь не шутки шучу.

Мгновение ничего не происходило. Но затем в глазах пленницы блеснуло что-то опасное, губы расплылись в улыбке, и выражение страданий сменилось злобой.

– А я люблю шутить.

Какой-то нехороший это был смех...

Граф позже понял, что следовало поостеречься, но уже полетел вниз.

Девушка, продолжая смеяться, взгромоздилась на мужчину: пытливые пальчики потянулись к ширинке брюк.

– Заменишь Винсента? – подмигнув, спросила она.

Длинные волосы защекотали ему нос. Граф Грэхем поморщился от острого приступа отвращения и столкнул с себя увлѣкшуюся Веронику. Но та сдаваться не собиралась. Обхватила за шею и повисла на нём.

Снова пришлось её отшвырнуть, на этот раз прямо на кровать. Платье как назло задралось, обнажив кружева трусиков. Поняв, в каком оказалась положении, девушка быстро поправила одежду и густо покраснела, став похожей на пунцовый мак.

– Изнасилуете меня? – плаксивым тоном задала вопрос и сжалась, ожидая нападения.

– Не следует провоцировать мужчину.

– Провоцировать? – она смотрела на него со смесью искреннего недоумения и страха.

– Боишься? – предчувствуя победу, усмехнулся граф.

– Да.

– Я не трону.

– Я боюсь не вас.

– А кого?

– Себя.

Внезапно он начал понимать причину странного поведения.

Винсент в силу неопытности не сумел определить, что сознание его хрупкой красивой игрушки охватывало не одну, а две личности, совершенно не похожих друг на друга: невинной запуганной Вероники, мечтавшей угодить в надёжные объятия брата, и физически сильной хладнокровной актрисы. Даже по прошествии долгих лет изучения это явление оставалось тайной для самых одарённых умов. Раздвоению личности подвергались единицы. Лорд Грэхем не собиравался упускать возможности познакомиться с таким редким замечательным пациентом. Фортуна улыбалась ему, а судьба давала новые шансы. Он определённо был счастливым.

– Посмотри мне в глаза, – граф склонился над дрожавшей девушкой. Её грудь шумно вздымалась, ресницы трепетали, как крылья раненой бабочки, пересохшие губы раскрылись. Но ни одна слезинка не прокатилась по румяной щеке.

– Посмотри, – повторил с нажимом.

Вероника подняла взгляд.

Лорд Грэхем проник в неё. Эта сила напоминала яд. Впрочем, она и была ядом, который врывался в чужое пространство и подавлял волю, сжимал в кулаке внутренний мир, загонял в тиски и кусал не хуже бешеного пса. Её мир пошатнулся, треснул, как старое зеркало, – граф прекрасно видел крах сознания, муки души, которая билась о стенки неповоротливого тела. видел, как оседала Вероника, глотнув воздуха в последний раз, как жажда жизни медленно умирала, а источник прекращал исторгать энергию, насильно задвинутый пробкой.

Лорд Грэхем ощутил вкус победы и готов был отступить, чтобы на этот раз отдать какой-нибудь нелепый приказ и наблюдать за безропотным его выполнением.

Но внезапно сознание Вероники изменилось; оно появилось из ниоткуда, встрепыхнулось... Струнка, запрятанная очень глубоко, дёрнулась и издала стон. Словно терпела боль. Пробка вылетела. Источник вновь забил, энергия вырвалась с грохотом и яростью, напоминая пчёл, покидавших раздробленный улей. Яд столкнулся с этой энергией в страшном поединке: всё окрасилось в бушующий красный цвет. Перед глазами Грэхема пронеслись картины: удушливый дым, осколки, окровавленные трупы под ногами, крики ужаса, ревущие дети с оторванными руками, – и посреди всей вакханалии фигура в чёрном, которая несла смерть

и разрушения, но не показывала лица. Энергия, переполнявшая изрезанное надвое сознание, пронзила графа, после чего, не медля ни секунды, выбросила врага за пределы и заняла трон по праву победителя. Лорд Грэхем отшатнулся.

Комнату заполнял солнечный свет.

На скомканном одеяле сидела девушка с искажённым от злобы лицом. Только улыбка подсказывала, как упивалось торжеством это существо, которое, по всей видимости, раздумывало, с какой стороны напасть.

– Ты не Вероника, – сказал граф, чувствуя, как от напряжения на лбу выступили капли пота.

Мужчина не боялся, поскольку понял, что именно так напугало ученика. Увидел проблему воочию. Стоило только представить, как эта тварь вела себя, когда просыпалась, и становилось не по себе.

Но граф никогда не прощал никому слабостей.

– Я не она, – ответило существо. – Я – это я.

– И как тебя зовут?

– А есть ли имя у гнева?

Девушка провела рукой по растрёпанным волосам, рассмотрела руки, поднесла ладони к голове и ощупала пальцами череп, привыкая к мысли, что обрела тело и теперь может управлять им по своему усмотрению.

– Это ты прыгала на меня минуту назад? – спросил граф, желая убедиться, что в теле Вероники не прячутся другие личности.

Существо рассмеялось, и по звучанию голоса он определил, что это та самая коварная актриса, заставшая его врасплох.

«Существо» – именно так он и решил про себя называть эту девушку, будучи до конца не уверенным, что проснувшаяся в момент сильнейшего гипноза личность обладает человеческими качествами.

– Всё это время ты держал взаперти моё тело, а тот парень поступал, как вздумается. Я жутко злопамятна, Рей.

– Рейналф Грэхем. Лорд Рейналф Грэхем для тебя, милашка, – погрозил он пальцем.

– Рей, – упрямо повторила она. – Рей, Рей, Рей... Бедный мальчик богатых родителей. Поклонник роскоши, денег, бриллиантов и собственного титула! Жертва абсолютного тупого равнодушия. Равнодушия высокомерного отца и холодной матери. Я про тебя всё знаю.

– Ты и впрямь сильна.

– Я лишена недостатков. Я – это я.

– Безымянный демон? – граф усмехнулся подsunутой колкости.

– Демон? – существо облизнулось в предвкушении его поражения, ничуть не обидевшись на замечание. – Будь я демоном, непременно забрала бы твою душу.

– Тебя нет. Находишься в теле Вероники, но ты не Вероника.

Она опустила голову, признавая достойный удар.

– Вероника, – прошептали губы. – Какое знакомое имя. Будто из сна.

– Откуда ты взялась?

– Из крови, – прозвучал уверенный ответ. – Из подвига женщины, защитившей дитя ценой своей жизни. Из гибели невинных. Из пролитых слёз утраты. Из страха. И..., – она подняла взгляд на графа; в глазах застыла неприкрытая злость, – из желания отомстить!

Лорд Грэхем в задумчивости скрестил руки.

Мужчину раздирали азарт предстоящей игры.

– Я не бедный мальчик, – заметил он, решив начать партию.

– Разве? Когда мы схлестнулись, я видела много обид, которых ты перенёс в детстве.

– Ты не поймёшь...

– Я и не хочу понимать!

– Тогда какой смысл говорить мне об этом?

– Потому что я несу боль.

Девушка спрятала лицо в ладонях и снова рассмеялась.

– Чему веселишься?

– Это не веселье, – произнесла она с явной горечью. – Смехом я усмиряю собственные страдания.

– Чего ты хочешь? – граф крепко схватил её за плечи, зная, что оставит синяки. – Чего ты хочешь? Ты, порождённая ситуацией грань воображения? Зачем появилась? Какой смысл разрушать? Какой смысл мстить?

– А в чём вообще есть смысл? – спросила она в ответ. – В тебе? Во мне? В секте, которую ты организовал?

Лорд Грэхем шумно вздохнул.

В миг соития двух сознаний существо успело разглядеть некоторые события из жизни, а теперь разбрасывалось фактами и заявляло о своей осведомлённости.

Но он пробьёт брешь и заставит подчиниться. Найдёт слабое место.

– Я скажу тебе, – прошипело существо. – Смысла не существует.

– А что тогда существует?

– Наслаждение.

– Наслаждение?

– Сладость мести. Сладость власти. Сладость жизни. Добиться высот наслаждения – цель всех человеческих действий. Вот где прячется то самое, что вы зовёте смыслом.

– Вы?

– Вы, люди.

Существо знало, что не создано для этого мира, и мучилось из-за долга уступить место Веронике.

– Спрошу лишь раз, – произнёс граф, подходя к главной теме. – Ты хочешь жить?

– Я? – девушка вздрогнула. – Когда-нибудь мне придётся уйти. Я не жива.

– Ты не знаешь всех моих возможностей, – Грэхем взял её за руку. – Я подавлю личность Вероники, и ты встанешь

на её место. Навсегда.

– А ты сможешь? – она сомневалась.

– Я всё могу.

Это походило на заговор.

– Да, – согласилось существо. – Ты силен. Но Вероника моя неотъемлемая часть. Её не удастся убрать.

– Зачем же убирать? Достаточно задавить. Посадить на цепь.

Девушка поморщилась.

– Ты отвратителен!

– Почему? – с поддельным изумлением поинтересовался граф. – Я хочу помочь.

– Правильно сказать, хочешь использовать.

– А не всё ли равно? – он развёл руками. – Я открою для тебя целый мир. Позволю проснуться. Вдохнуть полной грудью. Попробовать жизнь на вкус.

– А что взамен? Рабство? Услуги одалиски? Может, ты забыл: я не Вероника! Меня не посадишь на цепь!

– Я не размениваюсь по мелочам.

– Тогда что?

– Место первого помощника сегодня освободилось, – лорд Грэхем на секунду прикрыл глаза, представив эту красивую девушку в мерцании славы. – Думаю, роль пророка подойдёт тебе.

– Пророка?

– Моей секте не хватает талантливого обворожительно-

го лидера, которому люди будут доверять. Получив пророка, секта станет религией.

– Пророк? – девушка поднесла ладонь ко рту. – Неужели люди ничему не научились?

– Сегодняшние пророки не учат человечество, а зарабатывают деньги. Люди платят за то, что им дают веру. В противном случае пьют или принимают наркотики. Не бойся, мы пойдём по старому пути. Когда-то на твоём месте были другие, кто так же решал спуститься с небес к народу и изображать Иисуса Христа.

– Я не понимаю.

– Поймёшь, когда увидишь, как мы живём.

Рей, как она называла лорда Грэхема, позволил пленнице на сутки покинуть дом и под наблюдением охраны пройти по Лондону. Граф не сильно беспокоился: он знал, что любопытная, дерзкая личность вернётся обратно, под крыло единственного, кто способен заглушить нежеланное альтер-эго.

Следующим утром граф обнаружил девушку в столовой за распитием чая.

– Надо дать тебе имя, – первым делом сказал Грэхем, решив опустить фамильярные приветствия.

Девушка вздрогнула от столь неожиданного предложения.

– Имя?

– Да, имя. У всех есть имена.

– У меня нет.

– Будет.

– Это обязательно?

– Тебе придётся как-то назваться, хотя бы ради того, чтобы не вызывать подозрения.

– Если решил делать из меня пророка, придумай особенное имя. Необычное, но не артистическое, иначе это покажется чистой воды фальшью.

Лорд Грэхем, присаживаясь рядом с девушкой, довольно улыбнулся, видя, что она с энтузиазмом втянулась в игру.

– Ты, конечно же, права. Джульетта или Травиата уж точно не подойдут.

Она между тем оставила недопитый чай и, будто пребывая во сне, произнесла:

– Имя пусть будет грубое и старое, но запоминающееся.

– Например?

– Меропа, – короткий выдох. – Меропа Эджворт.

– Меропа Эджворт? – граф старался не засмеяться. –

И где же ты слышала это имя, позволь узнать?

– Сама придумала, – отрезала она.

– Сама? Да неужели?

– Только что.

– Я тебе не верю. Имя необычное, но если его обладатель уже где-нибудь засвечен...

– Нет. Настоящая Меропа Эджворт давно мертва.

«Значит, настоящая всё-таки была», – подумал граф.

– Хорошо. Пусть так. Меропа...

Но девушка не отозвалась. Её беспокоили другие вещи, более серьёзные, нежели выдумывание имён.

– Ты никогда не думал, что солнце похоже на непослушного ребёнка? То прячется, то светится. Когда туман густеет, земля становится холодной, а в воздухе чувствуется сырость.

– Зачем ты говоришь это?

– Всё в мире совершенно. Кроме человека.

– И что же ты чувствуешь?

– Гнев.

Глаза налились тьмой.

– Ты не тот, за кого себя выдаёшь. Пытаешься быть жестоким, плетёшь козни. Ты создал мир, в котором надел маску злого гения, но истина... Истина может быть только одна, Рей.

– И в чём же заключается эта истина?

– Тебе больно. непредсказуемость жизни состоит в том, что под обликом аристократа прячется обиженный мальчик. Которого никто никогда не любил. И который хочет разделить свою боль со всем человечеством.

Мужчина отвернулся.

– Вот почему я не боюсь зла, Рей. За ним прячутся старые раны. И пока такие, как ты, живут в мире иллюзий... вы будете мертвы.

– И что же? Ты научишь людей жизни? – граф усмехнулся.

– Ты хотел получить пророка. Ты его получишь.

– Да, если направишь силу в нужное мне русло...

– Знаешь, когда в человеке просыпается жажда жизни? – вдруг перебило его существо. – Когда он видит настоящую смерть. А знаешь, когда рушится мир иллюзий?

Грэхем напрягся.

– Когда балом правит безумие, – закончила Меропа. – И поверь мне, это гораздо страшнее зла.

Глава 5. Знакомство с цепными псами

– На данный момент об интересующей нас организации знает один человек – Алан Вэйн. Но он не согласится ничего говорить, пока не появятся сведения о смерти его сестры.

Забравшись с ногами в глубокое кожаное кресло, Виктория выдирала лепестки из бутона розы. Её собеседник Александр Кроули развалился на диване, положив руки под голову.

Что происходило за окном, ведомо было лишь Богу, поскольку плотно занавешенные шторы заслоняли уличный вид. Но, судя по стрелкам настенных часов, стоял вечер. Кабинет директора компании «Walpurgis adherents» освещала настольная лампа, вылитая в форме загадочной гейши. Океан на картине неизвестного художника внушал странное магнетическое успокоение. Александр зевнул. Во владениях фрау Морреаф было так уютно и тихо, что сама идея ехать к себе через весь Лондон представлялась абсурдной.

– Слушайте, – вновь произнесла Виктория.

– Мм?

– Вы не могли бы кое-что сделать?

– Что?

– Я хочу выяснить, жива ли Вероника Вэйн.

Александр не поверил услышанному и протёр глаза.

– Вы имеете в виду, что я должен воспользоваться своим даром?

– Да.

– А не вы ли говорили, как опасно прибегать к нему?

– Говорила.

– Так что же? Отказываетесь от своих слов?

– Нет, не отказываюсь, – Виктория накрыла ладонями лицо и несколько минут просидела в таком положении. Роза с ободранными лепестками до сих пор была зажата между пальцами.

– Выпьем? – внезапно она отодвинула ящик стола и вытащила непочатую бутылку жутко дорогого коньяка.

– Это к тому, чтобы я напился и не смог отказать вам?

– Нет. Это к тому, что мне скучно. И раз уж выпала честь провести время со знаменитым детективом из Скотланд-Ярда, надо сделать его приятным.

Александр улыбнулся. Приподнял голову и обвёл взглядом изящное тело, плавные изгибы которого весьма удачно подчёркивало строгое чёрное платье.

– Я ни разу не видел вас в брюках. Пренебрегаете современной модой? – со смешком поинтересовался он, наблюдая, как Виктория достаёт бокалы и разливает напиток.

– Я за ней не поспеваю. Кажется, какая-то часть меня навсегда осталась в средневековье.

– А, это где жили рыцари, крестьяне, суровые инквизито-

ры?

– Да, оно самое.

Женщина угостила приятеля и устроилась обратно в кресле.

– А кем были вы в то время?

– Ведьмой.

– Я так и подумал.

– На самом деле это было хорошее время, – мягко отозвалась она.

Александр не стал спорить, заменив привычный насмешливый ответ глотком коньяка. В воображении промелькнула черноволосая девчонка, не ведающая, какой тяжёлый рок ляжет на её плечи. Удивительно, но спустя несколько столетий эта величественная женщина с ностальгией вспоминала эпоху, ознаменованную Поздним Средневековьем и началом её бесконечно долгой жизни.

– Я сделаю это, – произнёс мужчина, любуясь слезами на прозрачных стенках бокала. – Рискну использовать свой дар, но с одним условием.

– Да?

– Вы поделитесь историей из жизни. Каким-нибудь важным моментом.

– Хотите разузнать обо мне побольше?

– Но вы единственный бессмертный человек, с которым мне довелось встретиться. Единственная причина, почему я до сих пор здесь – моё любопытство.

– Как жестоко.

– Правда всегда жестока.

Виктория извлекла из сумки фотографию Вероники Вэйн – одну из тысяч, расклеенных по Лондону.

– Надеюсь, ваши способности меня не разочаруют? – спросила язвительным тоном.

– Надеюсь, ваша история не разочарует меня, – тем же тоном наградил её Кроули.

– Договорились. Итак, что вам известно об Анэнэрбе?

– Это тайная организация, спонсируемая правительством фашистской Германии.

– А про Святой Грааль слышали?

– Про него весь мир слышал. Вы не допрашивайте. Рассказывайте.

– Последние две тысячи лет Грааль причисляют к христианским святыням. С ним связывают кровь Христову, огонь Святого Духа, престол Бога, свет Небесной Церкви и множество других понятий, далёких от разумного объяснения. На самом деле Грааль появился гораздо раньше, чем Иисус испил из него на Тайной вечере. Первые легенды о нём уходят корнями в Древний Египет времён царствования Эхнатона и Нефертити, когда многобожие заменили монотеизмом... Правда, безуспешно. В шумеро-аккадских сказаниях Грааль ассоциируется с превосходящей любовью, на востоке считается чашей с ведической сомой, а у кельтов – символом верховной власти. Некоторые полагают, что Грааль уда-

лось найти тамплиерам, из-за чего впоследствии Папа Римский решил уничтожить рыцарский орден. Правда это или нет, для смертных остаётся тайной. Но не для нас...

– Бессмертные задались вопросом, дарит ли Грааль вечную жизнь? – Александр любил предугадывать мотивы.

– И связан ли он с философским камнем, – добавила Виктория. – Надо сказать, символика Грааля более чем близка ему, однако *magisterium* создают без участия этого артефакта.

– Так Грааль – это артефакт?

– Не будьте наивны, Кроули. Всё, к чему прикасаются люди на этой планете, что они видят и о чём говорят, имеет вполне конкретную оболочку.

– Полагаю, этой оболочкой весьма заинтересовались фашисты.

– Фюрер не отрицал ни оккультные науки, ни воздействие мистических сил. Впрочем, деятельность Анэнэрбе развивалась задолго до рождения Гитлера, только под другими названиями. Многие тайные общества пытались скрестить магию и науку, привлекали к исследованию учёных, находили нити между древними языческими знаниями и современными открытиями. Так, Грааль оказался в списке искомых предметов. Все верили в его волшебные свойства, равно как и в непобедимость построенной на крови империи. Я подумала, не стоит оставаться в стороне, когда алчные смертные тянут руки к источнику вечной жизни, и подключилась к ра-

боте. А поскольку по происхождению я немка, мне легко было влиться в команду.

– Вы стали искать Грааль?

– И я нашла его. Но Гитлеру ничего не досталось. Мы с Отто Раном вывезли Грааль в надёжное место. Тому археологу хватило ума не болтать лишнего. Впрочем, он единственный догадался, что я преследую свои цели и к Анэнэрбе имею лишь косвенное отношение. Поэтому играл по моим правилам. И остался жив, в отличие от других агентов.

– Вы что, устранили членов Анэнэрбе?

– Это сделала не только я. Секретные мероприятия перестали быть секретными, всякому хорошему приключению приходит конец. Это произошло во время экспедиции в Тибете. Мне пришёл приказ о ликвидации, и, как вы догадываетесь, моим коллегам-учёным не удалось выбраться из Шамбалы.

– Бессмертные всерьёз занялись чисткой, раз до сих пор мало что известно об Анэнэрбе, – заключил Александр. – А как они отнеслись к Граалю? Бессмертные выяснили, что хотели?

– Нет, – Виктория поджала губы в знак притворного сожаления. – Им не довелось даже в руках его подержать.

– Как? Вы же сказали, что нашли его!

Женщина пожала плечами.

– Чёрт, вы что, скрыли Грааль от других бессмертных?! – детектив уставился на Викторию, как на умалишённую.

– Они меня ненавидят.

– Ещё бы!

С минуту он молча сидел, переваривая новую информацию, после чего не вытерпел и спросил:

– А Грааль дарит вечную жизнь?

– Это аналог философского камня. Можно сказать, они оба созданы по одним принципам. Отличия есть, но минимальные.

– Не поделитесь?

– За дополнительные знания дополнительная плата.

– Ну, спасибо! – Александр почувствовал себя обманутым. – Вы специально не договариваете всё до конца. Это очередная ваша игра... додумай сам, или как там она называется?

Виктория рассмеялась.

– У вас прекрасно получается играть в эту игру, Кроули. Я уверена, рано или поздно вы найдёте ответ.

Блики от светящейся лампы перебегали по коньяку, придавая ему красивый золотистый оттенок.

– Это было рискованно, – произнёс Александр. – Агенты Анэнэрбе могли раскрыть вашу настоящую личность. Столько лет они искали источник вечной жизни, а всё это время среди них находился бессмертный! Не думаю, что они восприняли бы это с юмором.

– Риск оправданный. Хватает и пары столетий, чтобы перестать бояться подобных вещей. Каждый последующий

век требует увеличения дозы адреналина. Приходится идти на многое, чтобы избавиться от... – женщина отставила бокал и заглянула детективу в глаза. – Я отдала бы всё в обмен на новый мир, пусть даже на ад, только бы не чувствовать это пресыщение, это состояние мертвенности, когда пытаешься рвануть вперёд, но стоишь на месте. Я застыла, Александр. Застыла... Жизнь проходит мимо, а мне не удаётся влиться в неё. Когда всё, что вас окружает, преходяще, страх – последнее, что может потревожить душу.

Александр приподнялся с дивана.

– Ладно, – отмахнулась Виктория. – Не хочу это обсуждать.

– Что же, пришло время мне выполнить условие договора, – детектив взял со стола фотографию.

– Не стоит. Мы сами всё узнаем, не прибегая к магии.

Кроули театрально закатил глаза.

– Я уже согласился.

Он заложил фотографию между ладонями и сосредоточился.

Несколько минут ничего не происходило. В кабинете воцарилась тишина, только часы продолжали тикать, напоминая о безвозвратно уходящем времени.

Виктория молча наблюдала за ритуалом, не издавая ни звука.

Тёмные брови Александра сошлись на переносице. Грудь тяжело вздымалась. Ресницы дрожали.

– Тепло, – прошептал мужчина едва слышно. – Я чувствую тепло. Она жива.

Голова детектива заметалась из стороны в сторону, словно он во мраке пытался что-то различить.

– Как странно. Она жива, но как будто спит... Спит в заключении.

– Её держат взаперти? – спросила Виктория.

– Нет. Её тело свободно. Но что-то не так. Как будто она дремлет, а тело гуляет само по себе.

– Вероника под гипнозом?

– Нет. Её сознанием ничего не владеет. Вероника просто обездвижена. Спрятана. Но тело...!

Неожиданно Александр отшвырнул фотографию и со стоном прижал пальцы к вискам.

– Чёрт! Чёрт, чёрт, чёрт!

Виктория резво вскочила с кресла и в защитном жесте обхватила его за плечи.

– Тишш! – прошипела она и прижала голову Александра к груди. – Тихо, я здесь, всё хорошо!

Ему казалось, демоны вот-вот растерзают душу за неосторожность. Он уже испытывал боль от острых когтей, тянувшихся за его нутром, и не знал, куда спрятаться. Всякий раз он надеялся её избежать, когда решал воспользоваться проклятым даром. Рядом чувствовалось тепло человеческого тела, и, повинаясь инстинктам, Александр обхватил женщину за талию и укрыл лицо в ткани платья. его волосы пе-

ребирали тонкие пальцы, потрясающая ласка заставляла выгибаться навстречу, едва ли не умолять о спасении.

Щёки покраснелись, на глазах выступили постыдные слёзы, – он надеялся, что Виктория не заметит этой непозволительной слабости.

Прохладные губы нашли его рот, и чужой язык проник внутрь, требуя успокоиться, подчиниться. Виктория целовала детектива, вырывая сознание из безжалостных когтей, но не чтобы отпустить, а чтобы привязать к себе. Теревившая пряди рука спустилась ниже, к торсу, последовала к застёжке брюк и далее к паху.

Александр не помнил, как под гнѐтом вспыхнувшего желания раздвинул ноги.

– Я доставлю тебе удовольствие, – выдохнула ему в рот Виктория. – Всё будет хорошо.

Её хриплый сладострастный голос с привкусом насмешки и торжества быстро вернул способность соображать. В уме прояснилось.

Кроули лежал на коленях, измученный, уставший, почти готовый ко всему. Это было неправильно. Детектив со дня их знакомства боролся с попытками фрау Морреаф превратить его в игрушку, которой можно забавляться и управлять как вздумается.

Все игрушки Виктории рано или поздно ломались.

– Отойдите от меня, – выдавил Александр сквозь зубы. – Немедленно!

– О, вам уже лучше, – она мило улыбнулась, но рука так и осталась на паху.

Женщина издевалась. И не собиралась сдаваться.

– Не расслышали, что я сказал?

– Если встану, упадёте с дивана.

Сил двигаться не было. Ритуал опустошил его.

Александр с недовольством сверлил глазами Викторию.

– Давно вы ни с кем не спали? – внезапно спросила она, вновь запуская пальцы в его волосы.

– Это вас не касается.

– Я хотела помочь. На самом деле я могла бы доставить удовольствие. Это стёрло бы последствия ритуала.

– Я не нуждаюсь в ваших услугах.

– А зря. В постели я свожу мужчин с ума. Вам понравится.

– Нет!

Его бесила её самоуверенная улыбка. Пальцы, гулявшие по ткани брюк, сильно нервировали.

– Даже сейчас вы выглядите неприступным, – сладко прошипела женщина. – Обожаю добычу, которая не сдаётся. Но рано или поздно я всё равно получаю своё. Ваше поражение – вопрос времени.

– Я никогда не уступлю, – огрызнулся детектив. – И не мечтайте!

Виктория резко поднялась с дивана, и Александр камнем повалился на пол.

– Что ж, вот и конец лирическому отступлению, – холод-

но отозвалась она. – Раз вы пришли в себя, поведайте о том, что разузнали о Веронике. Надеюсь, ритуал не оказался бесполезной тратой сил?

Она схватила бокал и до дна осушила. Обжигающий вкус коньяка мгновенно отогнал идею переспать с детективом из Скотланд-Ярда.

Кроули, лишившись поддержки, язвительно усмехнулся тому, как стремительно преображается человек, когда теряет возможность получить желаемое. Он кое-как забрался обратно на злосчастный диван.

– Есть два варианта, – произнёс он, отвлекаясь от тягостных мыслей. – Или Вероника сумасшедшая, или одержима инородным существом.

– Продолжайте.

– Сознание Вероники спит. Тело же ощущает абсолютную независимость. Душа цела, и, более того, ей ничто не грозит. Но на данный момент телом что-то управляет. А что именно – не могу сказать. Оно очень сильное. И им владеет гнев. Поэтому мне стало больно: я обжёгся о его чувства. Гнев как огонь.

– Может, Вероникой владеет злой дух?

– Исключено. Тогда бы её душа не находила покоя.

– По крайней мере, девочка жива.

Между шторами сквозь щель пробивалась тьма.

Вечер утомлял.

Спустия несколько проведённых в молчании минут Вик-

тория оглянулась, собираясь что-то сказать Александру, но тот, подложив ладони под голову, мирно спал.

Детектив так устал, что даже не стал бороться с накатившей дремотой и благополучно отдался во власть Морфею.

«Он что, бывает милым только когда спит?» – подумала Виктория, прочерчивая взглядом изгибы припухших губ, тёмные полосы бровей, скулы, у которых пропал маковый оттенок, и невольно залюбовалась этим привлекательным мужчиной, нашедшим пристанище в её кабинете.

Она не лукавила, когда предложила себя. Мгновенная, но яркая вспышка, вносящая разнообразие. Разумеется, он отказал. Александр Кроули не шёл на поводу у эмоций. Всего на секунды им овладел животный инстинкт, – так бывает после взаимодействия с потусторонним миром, когда стирается грань и в душе пробуждается нечто такое, чего в ясном рассудке человек стыдится, – и, как всякий здоровый мужчина, он потянулся к женщине, найдя в ней источник спасения. Виктория не испытывала укола вины: ведь она пыталась отговорить Александра, но тот решился на поступок, о котором, возможно, не раз пожалеет. Александр не собирался склонять её к постели, ему претила сама мысль превратиться в её очередного любовника, и Виктория понимала это.

А ещё она знала, что он её презирает.

«Боишься присоединиться к числу экспонатов моей коллекции?» – пронеслись шаловливые мысли. – «Боишься, что тебя используют?»

– Может, хватит уже разглядывать? – прошипел детектив.

– А мне казалось, вы спите, – с улыбкой ответила Виктория.

– Ваш взгляд осязаем. Режет, как лезвие! И где вы научились так смотреть?

– Не знала, что мой взгляд причиняет боль.

– Мне не больно, просто неприятно.

Он уткнулся лицом в спинку дивана, прячась от непрошеного наблюдения.

– И кто у нас в «домике»? – усмехнулась женщина.

– Помолчите.

– Ладно, не буду мешать.

Прихватив бутылку, Виктория прыгнула обратно в кресло.

Ворванные из бутона лепестки одиноко засыхали на полу.

Алан разместился на кухне с чашкой ароматного зелёного чая и свежей газетой. Минувшую ночь он провёл в полном одиночестве; не помнил, когда уснул, не видел никаких снов и не имел даже понятия, жив или нет. Разбудил его стучавший по окнам дождь и уличный шум. Суббота начиналась вяло.

С момента знакомства с женщиной, носившей причудливую фамилию, прошло три дня. Он не знал, придёт ли Виктория Морреаф снова, и чем дольше летело время, тем твёрже становилась мысль, что Вероника не вернётся. Фотогра-

фии похищенной сестры красовались во всех уголках Лондона, но дело с мёртвой точки не сдвигалось. Алан не затрагивал тему организации и не писал статей в страхе получить отрезанную голову Вероники и осознать, что ошибся, посчитав её мёртвой. Также Алан полагал, что ему будет сниться Неми Ларсен: как всякий верующий человек, он боялся неприкаянных душ. Но Неми не являлась, не упрашивала сдать убийц – журналистка исчезла. Создавалось впечатление, будто её никогда и не было. Жизнь бежала вперёд, мир претерпевал перемены, а те, кто не остался, превращались в ничто – даже не в тени и не в пыль. Их поглотило небытие, столь страшное для тех, у кого бьётся сердце. Алан пытался вспомнить эту ослепительно красивую девушку, её наряды, улыбку, речь, но не мог. Глаза застилала пелена. Кажется, Неми была блондинкой... И неужели с Вероникой тоже так? Пока стены обвешаны фотографиями сестры, Алан точно знал, как она выглядит, но стоило все их спрятать – и сколько протянет память? Год? Пять лет? Не больше.

«Чудеса исцеления. Меропа Эджворт – пророк?»

Газета пестрила рассказами о невероятных избавлениях от болезней. Алан протяжно зевнул. Взгляд перемещался по строкам статьи, и чем больше вливалось информации, тем сильнее хотелось зашвырнуть газету подальше.

За последние сто лет человечество повидало сотню пророков. Эти алчные до денег и славы ублюдки чего только не предвещали: и скорый конец света, и войны, и дружбу

с иноземной расой, и падение гигантского метеорита, и захват роботами мирового господства. Теперь вот чудесные исцеления. Сфотографировали девочку, которая под воздействием слова пророка покинула инвалидную коляску.

– Встал Лазарь и пошёл, – плюнул Алан. – Куда там Иисусу с его мертвецами?

Взгляд переместился на фотографию Меропы Эджворт.

Пальцы ослабли, и чашка полетела вниз. Раздался треск, осколки рассыпались в стороны, а голову накрыло что-то тупое и холодное.

С листа бумаги на Алана смотрели тяжёлые глаза сестры. Волосы, уже не тёмные, а белоснежно-белые, были коротко острижены, как у дворового пацана. Худенькое тело пряталось под простой рубашкой. На шее висел крест. И внизу стояла подпись: «Меропа Эджворт».

– Что за чёрт? – воскликнул Алан. – Какого дьявола?

Он не понимал, что всё это значит. Не понимал, почему Вероника – Меропа Эджворт. Не понимал, почему она изменила внешность и под чужим именем представилась пророком.

В кармане брюк завибрировал мобильный. Алан, как во сне, протянул за ним руку и отсутствующим голосом ответил:

– Алло.

– Это Виктория Морреаф. читали утреннюю прессу?

– Да.

- Нам всё ещё не о чем разговаривать?
- Я приеду к вам в офис через час.
- Буду ждать.

Офис охранного предприятия «Walpurgis adherents» располагался в центре Лондона. Алан впервые очутился в здании, мимо которого довольно часто ходил, но не обращал внимания и не задумывался, чем здесь занимались.

Кабинет директора располагался на тринадцатом этаже.

Пока журналист добирался до лифта, ему повстречалось несколько лиц: у дверей высокий жилистый охранник с цепким взглядом, расфуфыренная дамочка с наманикюренными ногтями на ресепшione, трое мужчин в деловых костюмах, несколько не стеснявшихся дымить сигаретами у всех на виду и громко посмеиваться.

Пока он заходил в лифт, двое из них бросили курево, оставили коллегу и быстренько заскочили в кабину. Алану довелось разглядеть незнакомцев получше. Один – крепкий, мускулистый, с растрёпанными русыми волосами, – выглядел так, словно сам был не рад, что влез в дорогостоящий костюм, судя по расстёгнутым пуговицам и воротнику рубашки, торчавшему наискосок. Второй – загорелый шатен в белом пиджаке, весь с головы до ног надушенный одеколоном.

Алан с тупым выражением смотрел на двери лифта, стараясь не оглядываться в сторону странной парочки. Они же вели между собой мирную беседу.

– Интересно, долго Ворон будет в её кабинете торчать? – буркнул первый. – От дел отвлекает.

– В третий раз уже ночует.

– Может, неспроста ночует? Роман?

– Не, просто дело раскрыть не могут, вот и пьются друг на друга, ждут, когда информация с неба свалится.

– Скука. Не надоели они друг другу?

– Не знаю, они только препираться и могут.

– Слышал, Ворон её ненавидит.

– Виктория не дура. Начнёт действовать на нервы – выкинет, как паршивого котёнка. Он на её территории.

– Сто лет бы этого гада не видеть.

Двери, наконец, распахнулись, и Алан выскочил на долгожданном тринадцатом этаже.

Справа от кабинета директора восседала секретарша, которая с беззаботным видом раскладывала на компьютере папьянс. Алан задержал взгляд на кроваво-красных бусах и выпирающей из-под декольте груди.

– Мне к директору компании.

– Пацан, а тебе точно туда? – неожиданно на плечо Алана опустилась тяжёлая рука мужчины, что сохранял лихой вид.

– У меня встреча с мисс Морреаф, – откликнулся журналист.

– Фрау Морреаф, – поправил незнакомец. – Она немка.

Шатен не вмешивался.

– А тебе зачем? – продолжил тот.

– Она звонила мне час назад.

– И как тебя зовут?

– Алан Вэйн.

– А, точно, Виктория говорила, что ты явишься.

– Так мне можно пройти?

– Ну, проходи, здесь не замуровано.

Незнакомец отнял руку, и Алан, стараясь не замечать усмешку секретарши, трижды в учтивости постучал в дверь и, не дождавшись реакции изнутри, проскользнул в кабинет.

Черноволосая женщина, в которой журналист узнал Викторию, играла в шахматы, сидя на разбросанных подушках. Её противником был симпатичный молодой человек, который управлял фигурами, не вставая с мягого дивана.

– О, таки дождались, – произнёс он, взглянув на вошедшего. – А я думал, Иисус скорее совершит второе пришествие, чем мистер Вэйн доберётся до офиса.

– Почему вы разговариваете со мной в таком тоне? – не понял Алан.

– Не пугай его, Алекс... сандр.

– Похмелиться бы вам надо, – подал голос крепыш, появившийся из-за спины Алана. Шатен зашёл в кабинет следом и бесцеремонно опустился на диван, прямо к лежавшему там игроку.

– Что, опять пить? – выдохнула Виктория. – Нет, пока хватит с меня.

– Может, чаю принести? – крикнула из коридора секре-

тарша.

– Лиз, спасибо, чай будет очень кстати! – ответил ей игрок в шахматы.

– А что, кофе прикончил всё? – спросил крепыш.

– А у тебя есть претензии? – тем же тоном поинтересовался игрок.

– Ребята, не ссорьтесь, – откликнулась женщина. – Сегодня знаменательный день: во-первых, объявилась похищенная сестра мистера Вэйна, а во-вторых, новоприбывший готов дать чистосердечное признание.

– А моя работа, значит, не в счёт? – надулся крепыш.

– И до тебя дойдём, – с улыбкой пообещала она.

– Наконец-то, хоть не вечность здесь куковать! – добавил Александр.

– Тебя никто не держит, – ответил крепыш.

Алан чувствовал себя потерянно на фоне препиравшихся.

Мужчине, которого называли Александр, явно надоело сидеть в четырёх стенах. Лохматый, уставший, он испытывал недовольство и едва сдерживаемое желание вцепиться в чью-нибудь глотку. Особенно в глотку женщины.

Фрау Морреаф даже в паршивом состоянии похмелья находила силы улыбаться, и Алан не мог понять, чем именно вызвана её улыбка: тем, что парочка разрядила повисшее в кабинете напряжение между ней и детективом, или же она обрадовалась возможности вскоре покинуть Лондон.

Лишь позже, когда Алан будет вспоминать эту минуту,

до него дойдёт, что на самом деле Виктория Морреаф искренне наслаждалась складывающемся в уме анализом развития событий. Виктория продумывала на несколько шагов вперёд, обрабатывала варианты и прогнозировала результаты. Знал ли Александр о мыслях женщины, оставалось догадываться, но Алан полагал, что детектива именно поэтому и бесило присутствие Виктории. Им обоим приходилось принимать решения, а двух лидеров в одной группе быть не могло.

Что касалось парочки – то были люди фрау. Целиком и полностью. Алан не мог не заметить, с каким уважением эти мужчины смотрели на Викторию: так сыновья смотрят на мать. Они подчинялись каждому её слову и по интонациям распознавали, чего на самом деле хочет их предводитель, ловили жесты и поступали так, как Виктория скажет.

Но всё это Алан поймёт потом, а в то пасмурное утро он оглядывался с чувством человека, оказавшегося лишним в компании.

– Я хочу знать, где Вероника, – наконец, произнёс Алан, стараясь придать голосу твёрдости. – Почему она назвалась пророком? Что значит эта статья?

– А по-моему, ничего странного нет, – ответила Виктория. – Организация, чьих членов вы с таким рвением скрываете, завербовали вашу сестру. Она работает на них.

– Но ведь... Она же...

– Кончайте захлёбываться, – поморщился Александр. –

Наши враги поступили умно: заткнули рот единственному осведомлённому об их действиях журналисту и пристроили нового человека к делу. Меня волнует два вопроса: кто они и зачем им понадобился пророк?

– Да кто вы такие? – выдохнул Алан. – Что вы за люди, чёрт возьми?

– Рид Картрайт, – откликнулся крепыш, не поворачивая головы.

– Морган Айронс, – шатен поднялся с дивана и протянул журналисту руку. – Рад познакомиться.

Алан пожал предложенную ладонь, но не нашёл подходящих слов, чтобы ответить на вежливость.

– Это детектив из Скотланд-Ярда Александр Кроули, – Морган представил мужчину, который двигал шахматную фигуру.

– Сейчас она у тебя коня съест, – позлорадствовал крепыш.

Фигура Виктории и вправду съела коня.

– Кажется, я о вас читал в газете, – обратился к детективу Алан. – Не вы ли поймали того самого знаменитого маньяка, о котором ходило столько слухов?

– Я много кого ловил.

– Кстати, а где Клод? – спросила женщина.

– Внизу остался, – ответил Морган.

– Так кто вы? Не из Скотланд-Ярда же все, да? Чем занимается ваша компания?

– Много вопросов, – Виктория потёрла виски.

– Мы попытаемся спасти вашу сестру, – Морган легонько сжал плечо Алана. – Но обещать ничего не станем.

– Имя Меропа Эджворт вам о чём-нибудь говорит? – вмешался Александр, хотя и старался не отвлекаться от партии.

– Н-нет.

– Неужели?

– Говорю же, нет!

– Я вам не верю.

– Но я правда...! – выкрикнул Алан, но фразу не закончил.

Сбросил с плеча руку Моргана, прошёл вдоль кабинета и встал к окну.

С тяжёлого неба грязных серых оттенков хлестал дождь. Улицу заволокло дымкой. На лице парня отразилась боль.

– Меропа Эджворт убила нашу мать, – произнёс Алан спустя минуту. – Нашу с Вероникой. Мама спасла сестрёнку ценой собственной жизни.

С губ сорвался короткий смешок.

– Меропа Эджворт – экстремист. Много лет назад она подорвала себя на городской площади и унесла в преисподнюю десятки жизней. Мама закрыла маленькую Веронику своим телом. Спасла...

– Ваша сестра назвалась именем убийцы, – сказал Александр. – Как вы это истолкуете?

– Никак. Я не знаю, почему она пошла у них на поводу.

Настоящая Вероника – та, которую я помню, – скорее бы умерла, чем вступила в их организацию.

– Человек до последнего цепляется за жизнь, – Виктория поднялась с подушек и неровной походкой подошла к Алану. – Вы не можете её судить. Девушку долгое время держали взаперти и неизвестно ещё, что с ней вытворяли. Два месяца она была абсолютно беззащитна для ублюдков. После всех перенесённых унижений и страхов она нашла силы избавиться от мучителей, пусть даже став их марионеткой. Теперь Вероника пойдёт на всё, чтобы выжить. Она никогда не станет прежней. Она видела и испытала зло на собственной шкуре. И если вы по-прежнему жаждете сжать Веронику в объятиях, живую, у вас один путь: помочь нам выйти на эту организацию и уничтожить её членов.

– Как просто это звучит, – Алан печально взглянул на женщину. – «Дети Бога» – секта, в которую входят не простые граждане, а аристократы, обеспеченные люди, бизнесмены!

– «Дети Бога»? – выдавил Александр с иронией. – Что за чушь?

– Изначально её программа включала намерение отрешить людей от официальных религий: протестантизма, католичества, православия – аргументируя свою позицию надуманностью догматов и бессмысленностью отличия одного христианина от другого. Создание программы принадлежит Рейналфу Грэхему, члену Парламента, весьма одарённому человеку в области юриспруденции и психологии.

– Это Неми вышла на него? – спросила Виктория.

– Да.

– Но за организацию секты не сажают, – напомнил Александр. – «Дети Бога» вербуют сторонников методом гипноза?

– Не сторонников. Лишь тех, от кого нужны определённые действия.

– Майкл Аббот, – Виктория бросила на Кроули красноречивый взгляд. – Тот парень ждёт приказа.

– Но он в психушке, – не понял Алан.

– По приказу хозяина Аббот выберется из клиники и, если такова будет воля, устроит резню. Ни пули, ни транквилизаторы не остановят человека, чей мозг не реагирует на раздражители.

– В члены «Детей Бога» входят деятели культуры и искусства, кое-кто из властей... Простые граждане – только массовка, распространители информации.

– Если у секты появится пророк, способный творить чудеса, она может стать религией, – сказала Виктория. – И от этого уже нельзя будет откреститься.

– Напоминает Церковь Сатаны Ла Вея, – мрачно добавил Морган и тут же пояснил, словив удивлённые взгляды Рида и Алана. – Церковь Сатаны была создана в США в конце двадцатого века, и за короткий промежуток времени в неё вступили знаменитые люди, имеющие авторитет и вес в обществе. В двадцать первом веке adeпты Церкви Сатаны рас-

пространились по всему миру. У них есть даже своя святая книга, кажется, она зовётся «Библией Сатаны». Вот уже десятки лет эта дружная организация считается официальной религией.

– Кто ещё, кроме Рейналфа Грэхема, входит в секту? – спросил Александр.

– Некая дама по имени Сара Рой. Раньше она работала в цирке, выполняла сложные акробатические номера, гастролировала по странам, но затем по каким-то причинам её уволили. Не знаю, где Грэхем её откопал, но эта женщина обладает весьма неплохим красноречием и, по сведениям мисс Ларсен, даже владеет боевыми искусствами. Сара Рой проводит сеансы, рассказывает вольным слушателям о достоинствах их религии и промывает мозги тем, кто уже работает на «Детей Богов». Она часто появляется в свете в качестве неизменной спутницы лорда Грэхема. Недурна собой, образованна, знает иностранные языки... Словом, верный пёс, я бы сказал, превосходный защитник, телохранитель.

– Личный ассасин, – кивнула Виктория. – Воин своего господина.

– Ещё, – нетерпеливо потребовал детектив.

– В бумагах мисс Ларсен был отмечен молодой человек, Винсент Свон. Несколько лет он работал в психиатрической клинике, кстати, той самой, где сейчас находится мистер Аббот, использовал на больных гипноз... Правда, это не возымело эффекта, а довело бедняг до ещё большего сумасше-

ствия. О его проделках с гипнозом стало известно директору клиники, и Винсента незамедлительно уволили. Очевидно, с ним связался Грэхем, и потерявший работу Винсент не стал упускать возможность.

– Кто финансирует секту? – спросила Виктория.

– Её члены.

– Мелковато, – покачала она головой. – Не верю я в благородный мотив лорда Грэхема объединить все мировые религии под крылом единственного Создателя.

– Рейналф Грэхем не раз выступал с заявлениями против религиозных распрей, – ответил Алан. – С виду этот человек действительно кажется благородным. Ведёт активный образ жизни, меценат, наследник графского рода, аристократ до кончиков ногтей, образованный, воспитанный, неглупый... Лорд Грэхем производит самое приятное впечатление.

– Ещё бы. Будь он грубым и неотёсанным, никто и не поверил бы его проповедям.

– Но почему на роль пророка выбрали мою сестру? – Алан вернулся к сведавшим его тревогам.

Виктория собиралась что-то ответить, но детектив перебил её.

– Кто знает, – произнёс Александр. – Я смею утверждать, что Вероника Вэйн не находится под гипнозом.

– То есть она не зомбирована? – тот хотел было обрадоваться озвученному предположению, но вовремя вспомнил

о проклятом имени убийцы матери.

– Скажите, раньше вы не замечали за сестрой ничего странного? – вдруг спросила Виктория.

– Что вы имеете в виду?

– Быть может, случались необъяснимые вещи? Вероника когда-нибудь вела себя иначе? За ней наблюдались вспышки гнева?

– Мы все сердимся..., – Алан резко замотал головой из стороны в сторону. – Гнев – это нормально!

Он отступил на шаг.

Вопросы вываливались один за другим и начинали сводить с ума. Холодные глаза Виктории Морреаф требовали ответа. Парень почувствовал себя ещё более потерянно, заметив выжидающие взгляды остальных.

Тем не менее, в памяти всплывали предательские картины прошлого, коих невозможно было прятать вечно. Конечно, Алан обращал внимание на стремительные изменения в Веронике, когда та испытывала физическую боль от удара, укуса, ожога или укола... Наверное, это стало происходить после взрыва на площади, когда девочка оказалась зажата между падавшими обломками и окровавленным телом матери.

А потом он вытаскивал сестру из-под случайно надломившегося древесного сука. Ночью же выбежал из дома и с изумлением увидел, как девятилетняя Вероника, вся пропахшая бензином, жгла злосчастное дерево. Но его больше поразила не жестокость, а глаза – это были глаза человека, упивающе-

гося местью.

Затем школа... Вероника ни с кем не водила дружбу. Местные ребята сторонились девочку. Алан полагал, это возрастное, и не придавал значения. Возможно, будь он более прозорливым, догадался бы, что уличную шавку, которую нашли в подвале дома подвешенной за хвост, убила родная сестра. Она терпеть не могла собак, а та вцепилась в её ладонь ни с того ни с сего... Животное поплатилось.

Чем больше Алан вспоминал неприятные эпизоды былого, тем яснее понимал: имя Меропы Эджворт не случайно проскользнуло в статье. Вероника испытала шок, и то тёмное, что обычно пряталось на дне души, вырвалось наружу снова. Он не водил тесное знакомство с иной стороной личности девушки. Боялся её.

– Да, – Алан посмотрел на Викторию. – Я видел, как моя сестра впадала в гнев и совершала страшные вещи.

– Какие?

– Она убивала.

– Не то, – произнёс задумчиво Александр. – Всё не то.

– Простите?

– Я не связываю убийства с Вероникой. На ней нет отпечатка разрушения.

– О чём вы? – Алан с испугом смотрел, как детектив с ленивым видом крутил в руках ферзя. – Да кто вы такие?

– Вам мало того, что мы собираемся уничтожить организацию? – усмехнулась Виктория. – Сколь вы жадны, мистер

Вэйн.

– Говорили же: не пугай его! – пожурил детектива Рид. – Не можешь держать язык за зубами?

Александр смерил крепыша презрительным взглядом.

– Ребята, я вас не понимаю, – Алан прикусил губу, чувствуя, что хочет отсюда побыстрее исчезнуть. – Если вы никогда не встречались с Вероникой, как...?

– Не забивайте голову, – резко прервала его Виктория. – Мы не ангелы, но и не демоны. Мы устанавливаем порядок.

– Порядок? – фыркнул Рид, глядя вслед сбежавшему журналисту. – Фрау Морреаф, мы совсем не похожи на полицейских.

– Неважно, он нам больше не нужен, – передёрнул плечами Александр. – Мы вырвали из него всё, что собирались узнать.

На самом деле никто не смел обвинить Алана в трусости. Над его поспешным бегством посмеивались, но по-доброму. Морган издал протяжный и какой-то обречённый вздох, полный не то сочувствия к растерянному человеку, не то усталости от общения с коллегами. Они давили до последнего, клещами вытягивали информацию и, насытившись вдоволь, отпускали добычу на четыре стороны. Куда мальчишка побежал и что собирался делать со всем этим дальше, ни Викторию, ни детектива не волновало. Добившись своего, они как ни в чём не бывало вернулись к шахматам, на этот раз

продолжив игру с большим воодушевлением.

– Гамбит, – женщина с подобием разочарования наблюдала, как коварный белый ферзь Александра сбрасывал с доски её чёрную ладью. Можно было подумать, свет побеждает тьму, и белые рыцари, олицетворяющие всё самое лучшее, что есть в мире – доблесть, отвагу, верность, – предвещали злобным противникам в чёрных одеяниях неотвратимый конец, если бы во главе отряда не стоял вместо традиционного для сказок великодушного короля алчный до победы Кроули. Соперничество двух выдающихся умов – мужчины и женщины – продолжалось три ночи, и агенты «Walpurgis adherents» с замиранием сердца ждали, что произойдёт дальше, кто из них одержит верх и кому придётся уступить в лидерстве.

Пожалуй, единственным, кто с безразличием относился к игре, был Клод Каро – третий из мужской компании, оставшийся поджидать напарников на первом этаже.

Алан столкнулся с ним внизу, у выхода. Клод читал какой-то толстенный том и искоса взглянул на убегающего журналиста. О чём подумал в тот момент Клод, не знали даже небеса. Не потому, что высшие силы ленились проявить интерес к его скромной персоне, – просто он плевать хотел на небеса, ад, чистилище, Бога с дьяволом и остальных. В «Walpurgis adherents» шутили, что как-то однажды Мрачный Жнец пожаловал за душой Клода, так он, недолго думая, хорошенько отделал незваного гостя, чуть было не разрубив

посланника смерти его же собственной косой. Конечно, никакой Жнец к Клоду не приходил, а если это и произошло, тот не стал бы распространяться о встрече. Но шутка родилась не из-за чересчур разыгравшегося воображения подхалимов, а из-за самой личности Клода. Этот человек участвовал во многих боевых операциях, чувствовал себя «своим» и в тайге, и в пустыне, и у чёрта на рогах. Его раз тысячу пытались убить, но безуспешно: Клод умел рассеиваться, как дым. Кроме того, отнимал жизни без всякого зазрения совести. Его воспитали как орудие смерти – отточенное до совершенства, неуязвимое, идеальное. Он жил среди трусов, фанатиков, предателей, тенью передвигался по улицам, и не дай Бог какому-нибудь смертному отозваться о Клоде с неуважением. Клод умел быть терпеливым, но не прощал оскорблений. А шутку про Жнеца любил и посмеивался вместе с остальными. Никто не знал, где Виктории удалось найти его и каким образом привлечь на свою сторону. Это был лучший из Вальпургиевых адептов. Рослый, выносливый, безупречно развитый физически – женщина не стеснялась в открытую восхищаться им.

Всё было между ними до безобразия прозаично. С десятков лет назад где-то в Азии, в перестрелке с талибами, Виктории распорили тело. Она захлёбывалась кровью на руках Клода Каро, который, понятия не имея о её истинной сущности, ждал, когда новая знакомая, – на вид молодая и яркая, – скончается. Вместо этого Виктория с раздражением

оттолкнула мужчину и еле-еле уползла в ущелье. «Как кошка, которая отправилась умирать в одиночестве на лоно природы», – подумал тогда Клод и решил устроиться на ночлег. Минуло не более часа, как внезапно Виктория вышла из темноты, исхудалая, бледная, но целая. О страшном ранении напоминала запачканная одежда, но отнюдь не тело. Ни следа от кинжала побеждённого врага... «Кто вы?» – спросил Клод, ещё не осознавая, что спустя несколько дней тяжелейших изнурительных раздумий преклонит колени перед этой бессмертной и, подобно дворовому псу, присягнёт на верность новому хозяину. На самом деле у Клода никогда не было выбора. Он служил государству, властям, влиятельным людям, компаниям, играя роль лучшего киллера, по сути, убийцы без собственного мнения. Виктория дала ему больше, чем Клод получал за всю жизнь: надежду на наступление заветного дня, когда не придётся хвататься за оружие и кромсать направо и налево, не разбирая в грудех истерзанных остывающих тел виноватых и невинных. Раньше он не позволял себе даже мечтать о таком, полагая, что никогда не сможет покинуть рамки определённого для него удела. «Никогда» – страшное слово, ровно как и «всегда». Похожи на иллюзию бесконечного пространства, постоянно тянущейся вперёд линии, пока не сделаешь шаг в сторону и не увидишь, что эта линия на самом деле колесо. После встречи с Викторией он познал иную сторону бытия, где есть не только убийства, взрывы и кровь, но и мирское, светлое,

свободное, где не стоит вопрос о цене чьей-то гибели.

Виктория держала за спиной псов, готовых за неё сражаться. «Walpurgis adherents», или его подобие, существовало много столетий под разными названиями. Подобно искusstелю, эта женщина являлась нужному ей человеку, рассчитала путь к сердцу и делала его «своим». И неважно, работал человек в «Walpurgis adherents» или нет, – важно, чтобы впоследствии он всеми силами защищал интересы фрау. Каждый из Вальпургиевых адептов выполнял свои обязанности, как гайка в огромном, хорошо слаженном механизме.

– Да, – Александр Кроули посмотрел женщине в глаза. – Порой ради достижения цели можно пожертвовать фигурой и поважнее пешки.

Виктория не ответила.

В кабинете повисло выразительное звонкое молчание. Настенные часы продолжали отбивать ритм. По мутным окнам стекали дождевые капли.

Морган Айронс старался не смотреть на детектива, замершего в ожидании следующего хода. Ему не терпелось воскликнуть: «Хватит!», прекратить эту бессмыслицу и приступить к делу поважнее шахмат. Он не понимал причины соперничества Кроули и Морреаф, просто потому что не знал, когда и зачем между ними началась негласная война.

Виктория по-прежнему не издавала ни звука и отвечала Александру тем же тяжёлым взглядом, от которого любой другой давно бы провалился под землю. Любой, но не детек-

тив.

Внезапно для всех троих она сбросила с доски вражеского ферзя и поставила на его место чёрного слона, который прямым по диагонали готовился низвергнуть короля.

– Шах.

– Вот вам и гамбит, – усмехнулся Рид. – Ну ладно, потом доиграете. Разве в ваши планы не входит встреча с мисс Эджворт?

– Вначале я хочу познакомиться с господином Грэхемом, – произнесла Виктория, со стоном наслаждения откидываясь на подушки, и добавила. – Лично.

Глава 6. Лучший подарок заклятому врагу – жизнь

Демонстрация новой серии одежды знаменитого английский-ского модельера Ганса Гаранса по праву считалась ожидаемым событием осени. На подиум под десятки софитов собирались выйти модели, чьи аккуратные лица не раз красовались на глянцевых обложках самых читаемых журналов.

По насыщенному игрой света и блеска залу сновали гости с бокалами, одаривали друг друга нежными акульими улыбками, делали лживые комплименты и обсуждали новости. Чарльз Уидмор пил шампанское, стоя в стороне от толпы, не желая участвовать в светских разговорах. Он привык к шумным мероприятиям и часто на них скучал. Собственно говоря, здесь от него ничего не ждали, Чарльз приехал по приглашению скорее из привычки, нежели по каким-то иным причинам. По залу расхаживал мистер Гаранс в нелепой одежде кричащих тонов и заявлял о себе как о создателе целого направления стиля; люди вежливо улыбались в белоснежные тридцать два зуба и задавали односложные вопросы, – впрочем, всё шло, как обычно. Чарльз не хотел даже здороваться с этим напыщенным попугаем. Сам же оделся в чёрный костюм: не истекли ещё сорок дней со смерти двоюродной сестры, которая, сложись обстоятельства иначе, по-

коряла бы присутствующих искренним задорным смехом.

– Не думала, что найду вас здесь, – раздался позади голос.

Чарльз от неожиданности вздрогнул и обернулся.

На него смотрела брюнетка в облегающем бордовом платье.

– О, дьявол, – разочарованно выдохнул он.

– Нет, всего лишь я.

– Вижу. Вы-то что здесь делаете? – Чарльз кивнул на podium. – Отдаёте дань моде?

Виктория отпила из бокала и обвела языком влажные губы.

– Меня привело дело. А вас?

– Просто приехал по приглашению.

«Нас связывает смерть Неми», – подумал он, не спуская взгляда с женщины, которую по праву можно было назвать «шикарной». Судя по рубиновому колье и громко сверкающим серьгам, она любила роскошь и не отказывала себе в таких мелочах, как драгоценные камни ценой в целое состояние. Виктория Морреаф носила звание мецената, к ней обращались руководители фондов из разных стран. Ко всему прочему, люди не знали о ней почти ничего: это была тень со скромной неинтересной биографией, человек, называющий себя «бизнесвумэн», каких насчитывалось тысячи и тысячи. Гордые феминистки и светские львицы. С той лишь разницей, что Виктория спонсировала деятельность не одного молодого учёного и за годы поставила на ноги плеяду ге-

ниев, о которых, вероятно, никто никогда не услышал бы, если бы не протекция этой женщины. Чарльз Уидмор чувствовал себя неуютно рядом с таким человеком. Он интуитивно распознавал в ней силу, недоступную остальным; Виктория словно была соткана из ауры неуловимого могущества. Чарльз мог называть себя как угодно, но уж точно не дураком. Он знал, что за подобными ей личностями тянется длинный кровавый шлейф, и даже на мгновение представил, как Виктория с гордо поднятой головой переступает через трупы, и по мере тихих шагов платье из белого атласа пятнается в бордовый бархат, в коем она и стояла перед ним, с королевской осанкой и дерзким взглядом.

Наверное, на его лице что-то отразилось. Чёрная бровь Виктории поползла вверх – явный признак любопытства.

– Вы боитесь меня? – прозвучал её обманывающе мягкий голос.

Чарльз изо всех сил постарался взять себя в руки.

– Нет, – бросил парень с пренебрежением.

– Хорошо, потому что сегодня я на вас полагаюсь.

И опять её улыбка.

– В чём?

– В помощи. Я расследую дело по факту гибели Неми.

«Она специально расставила всё таким образом, чтобы я не сумел отказать», – снизошло до Чарльза. – «Но почему сейчас?»

– Вы можете на меня положиться, – обречённо выдохнул

он. Где-то за тридевятью земель души бес нашёптывал, что Чарльз ввязался в крайне неприятную ситуацию и неизвестно, сможет ли выпутаться. Он не доверял Виктории. Не знал, какую игру ведёт эта женщина и какая роль в предстоящем спектакле отведена ему. Это пугало. Но трепыхаться было поздно.

За звуками музыки и шумом разговоров никто не замечал, как в дальнем углу быстро бледнеет юноша.

Виктория осторожно взяла Чарльза за локоть. Он вздрогнул.

– Не бойтесь, – ободряюще шепнула она. – Я не кусаюсь.

Уидмор не нашёл, что ответить, и повёл нежеланную спутницу ближе к подиуму. Ганс Гаранс порхал по залу, отовсюду доносился неестественный смех.

– Смотрите, – обратилась к нему Виктория. – Сюда прибыл и лорд Грэхем, член Парламента.

– Много чести для Гаранса, – фыркнул парень.

Она бросила на него одобряющий взгляд.

– В самом деле, – произнесла Виктория. – А кто спутница лорда Грэхема, интересно?

Крепкий, среднего роста мужчина, с волосами чуть тронутыми первой сединой, вёл женщину, облачённую в длинное струящееся платье, загорелую и привлекательную. разве что высокомерие в карих глазах и брезгливое выражение, каким она оглядывала присутствующих, умаляли её достоинства.

Чарльз не хотел ввязываться в бесполезный разговор,

но лорд Грэхем заметил парня и поспешил поздороваться. Член Парламента не мог проигнорировать родственника коллеги, мистера Ларсена. По крайней мере, именно так истолковал дружелюбие малознакомого человека Чарльз.

– Мистер Уидмор! – рукопожатие вышло мягким. – Рад встрече! Пожалуйста, примите мои соболезнования по поводу гибели вашей кухни. Это ужасная потеря! Поверьте, я понимаю, как тяжело терять близкого.

– Спасибо, – глухо откликнулся парень, сожалея, что принял приглашение на вечер.

– Фрау Морреаф, – лорд Грэхем широко улыбнулся, переключив внимание на Викторию. – Наслышан о вас.

Виктория лишь сухо кивнула.

Несколько мгновений пересечённые взгляды силились одолеть друг друга. Мужчина смотрел на неё так, словно собирался разинуть рот и проглотить без остатка. У любого бы внутри всё перевернулось от столь плотоядного выражения, однако Чарльз готов был голову дать на отсечение, что холодный взгляд женщины резал нутро ничуть не слабее.

«Да что между ними происходит?» – растерянно воскликнул про себя Уидмор.

– Представьте нас? – наконец, заговорила Виктория и кивнула спутнице лорда Грэхема.

– Конечно, – незамедлительно ответил тот. – Сара Рой. Моя невеста.

– Невеста, – зачем-то повторила Виктория, словно прице-

ниваясь.

Чарльз не сдержался и деликатно кашлянул, снимая повисшее напряжение.

– Приятного вечера, – напоследок сказал граф и сморгнул, отгоняя наваждение. Отвернулся и повёл мисс Рой в гущу толпы. Та покорно последовала, не проронив ни слова.

– Что. Это. Было? – парень решил прояснить ситуацию.

– Это? – женщина помассировала веки. – Всего лишь Рейналф Грэхем, организатор религиозной секты под глупым названием «Дети Бога». А с ним – верный телохранитель и жрица.

– Чего?

– Полагаю, Чарльз, мы находимся в круге Ада. Нас окружают adeпты его секты, только пока мне не удалось их распознать.

– Э-э-э, – он закусил губу. – Я что-то не...

– Простите, я грубо вываливаю на вас информацию, но, думаю, другого подходящего момента не представится. Видите ли, Неми выяснила, что Рейналф Грэхем создал секту, по вине которой бесследно исчезают люди. Она уже подготовила материал и собиралась опубликовать, но прежде отправилась в Марокко, ко мне. Не знаю, почему она сразу не пустила материалы в печать. Смею утверждать, Неми сильно боялась, но не столько самих сектантов, сколько участи оказаться под властью гипноза. Некоторых людей «дети Бога» зомбируют и заставляют совершать целую сеть преступле-

ний.

Чарльз смотрел на неё недоверчиво, ожидая, что кто-нибудь крикнет: «Шутка!» Но никто не разрушал миф. Женщина ждала реакции.

– Очнитесь, – она тронула его ладонь. – Мы окружены, Чарльз.

Только после этого парень переключил внимание на толпу и заметил с десятков устремлённых на него любопытных взглядов.

– Выжидают, – шепнула Виктория. – Хозяин пока не отдал приказа.

– Выжидают чего?

– Как с нами поступить. Убить? Захватить? Отпустить?

– Я не понимаю...

«Дамы и господа!»

На подиум неожиданно выскочил Гаранс. Некоторые гости мигом отвернулись от ошоломлённого Чарльза и быстро сгустились вокруг представления. Модельер расхаживал по дорожке, что-то тараторил и смеялся собственным шуткам, принимая одобрителные кивки зрителей. К концу монолога всех присутствующих он пригласил на вечеринку и пообещал нечто удивительное, что «дорогим друзьям» должно обязательно понравиться. Однако какая именно вещь обязана вызвать удовольствие, не упомянул.

– Вряд ли я туда пойду, – сказал Чарльз. – Честно говоря, минуту назад я и вправду едва не поверил вам, фрау Морре-

аф. Ловко вы это придумали.

Не услышав ответа, повернул голову и заметил, что Виктории рядом нет.

Она ретировалась тихо и внезапно, воспользовавшись вниманием к безвкусной речи Гаранса.

Чарльз отыскал лорда Грэхема. Тот, поджав губы, лениво аплодировал. Его невеста в золотом тоже куда-то пропала. А, казалось бы, вот-вот здесь стояла, под руку с графом.

«Больно мне надо в этом разбираться», – подумал Чарльз с отвращением.

Дождаться триумфального выхода моделей не стал – собрался с мыслями и живо направился к дверям. Он не хотел участвовать в глупых играх Морреаф и потакать непонятым затеям. Наверное, ей надо было выставить его дураком. Женщина сделала своё дело, а теперь сидела где-нибудь с шампанским, позабыв и о шутке про сектантов, и о ступоре «милого» мистера Уидмора, забавного в своём горе и неопытности. Проклятая Морреаф не пощадила даже частичку святого, что трогать и использовать совершенно нельзя – Неми.

«Сука!» – плюнул Чарльз в приступе гнева. – «Зачем я вообще с ней связался?!»

– Мистер Уидмор? – к нему подбежал незнакомый юноша, худощавый и измотанный на вид.

– Чего? – спросил с нарастающей злостью он.

– Нет... Ничего..., – проямлил мальчишка.

Неожиданно возле носа возникла пахучая тряпка, и жёсткая рука сдавила ею лицо. «Хлороформ», – осенило Чарльза прежде, чем он повалился на пол, забывая и о горе, и о гневе, и об усталости.

«Я не ведаю пощады, когда заношу кинжал над врагом. Прояви хоть малую долю сострадания, засомневайся – и потеряешь секунду драгоценного времени, секунду, за которую враг успеет вскочить и нанести решающий удар. Либо льётся моя кровь, либо его. Третьего не дано. Тьма обличает худшие пороки. Тьма есть жестокая правда, порождённая необходимостью».

Общественный женский туалет. Чистый, приличный, белый. Излишне белый. Виктория сидела на захлопнутом унитазе и курила последнюю оставшуюся в пачке сигарету. Снова во рту накатила тяжесть смога, снова отравя пыталась попасть в лёгкие и горячую кровь. Но совсем скоро организм в уже привычном приступе рвоты извергнет это наружу.

Дверь туалета открылась. Лёгкие шаги сопровождались стуком каблучков.

«Настоящего врага чувствуешь на расстоянии».

Доносившаяся из зала музыка способна была заглушить шум борьбы и выкрики.

«Никто не заметит, хоть сотню человек здесь прикончи».

Враг остановился у зеркала.

«Я узнаю это ощущение...».

Виктория приподняла подол платья и извлекла подвязанный к чулку кинжал.

Холодное равнодушное лезвие. Острое, как и момент неизбежной смерти.

«Пора».

Резкий толчок в дверь, стремительный разворот, взмах руки, бросок...

Лезвие вошло в плечо Сары Рой до основания.

Вскрик с одной стороны и судорожный вздох с другой.

Виктория прижала ладонь к открытой ране. По всей длине левой руки шёл глубокий порез. Сара, скрипя зубами, вытаскивала из плеча кинжал.

– А вы не промах, мисс Рой, – улыбнулась Виктория, размазывая тёмную кровь, которая нещадно заливала платье и кафельный пол.

– Меня предупреждали, что с вами опасно вести войну, – ответила женщина, вздёрнув острый подбородок и выравнивая дыхание. Мускулы её лица непроизвольно дёргались от боли.

– Но я люблю сильных противников, – продолжила Сара. – Люблю этот чудный аромат. Вы узнаете его?

– Аромат азарта, – понимающе кивнула Виктория. – Спор на выживание, риск!

– О, да. Я не сдаюсь, фрау Морреаф. Никогда не сдавалась. Так же, как и вы, полагаю.

Лезвие покинуло воспалённую плоть и со звоном упало.

– Вам известно, кто я? – поинтересовалась Виктория.

– В узких кругах вы персона почитаемая. Нам говорили, чтобы мы были начеку.

– Вы знали, на что шли, когда убивали Неми Ларсен.

– И всё ради этой девчонки? – Сара с разочарованным видом развела руками. – Какой-то там писаки? Из всех существующих в мире сект вы выбрали именно нашу. Могли бы обратить внимание на кого угодно, на сатанистов, например, но решили воевать с нами. И всё – из-за Неми Ларсен?

– Какая разница, где таятся причины моих поступков?

– Нет, просто любопытно... Как такая женщина, надо сказать, великий человек – и вместе с жалким ничтожеством! Неми Ларсен... Да это же просто бред! Смехотворно!

Сара облизала пересохшие губы. Повертела нож, словно раздумывая, использовать ли его снова, но тут же опустила.

«Рано».

– Не люблю разглашать о предпочтениях, – ответила Виктория. – Но вам открою правду. Всё дело в скуке. И в чувстве прекрасного. Неми была произведением искусства. Убив её, вы бросили вызов лично мне. А я не отклоняю столь любезных приглашений вступить в поединок.

Женщины кружили по просторному туалету в стремлении предугадать поступок друг друга. Каждая готовилась нанести смертельный удар. Глаза Сары светились жадностью. Боль в плече подогревала боевой настрой. Наконец, пер-

вый выпад. Тонкий каблук пронёсся в каких-то миллиметрах от носа Виктории, но та успела отклониться. Кулак Сары направился в челюсть, другой – в живот; Виктория перехватила обе руки и пошла в атаку.

Внезапно дверь туалета распахнулась, и на пороге возникла высокая девушка, одна из моделей Гаранса. Её взор упал на вцепившихся дам, перемазанных кровью, на багровые лужицы... Нож Сары засвистел в воздухе прежде, чем раздался вскрик ужаса, и со смачным звуком погрузился в глотку случайного свидетеля. Дёрнувшись в конвульсии, модель рухнула на пол и обмякла. Крови на полу стало ещё больше.

– Грубо, – оценила Виктория.

– Зато эффективно, – прошипела Сара.

Они наносили удар за ударом, пока не остановились в противоположных углах.

В зале перестала играть музыка. Кто-то опять произносил речь.

Тяжело дыша от напряжения, женщины ждали следующего трека.

– Представьте, сердечко вашей милой подружки вытаскивали, когда она ещё дышала. Бедная мисс Ларсен видела собственное сердце... Жутко, да?

– Лучше скажите, кто за вами стоит, мисс Рой.

– Наверное, тот, кому вы нужны, фрау. Кто хочет добрать-ся до вашего сердца.

– Зачем вы-то в это ввязались? Нравится быть марионет-

кой? – Виктория приподняла левую руку и указала на кожу: кровь уже запеклась, ткани воссоединились, и на месте былой раны образовался длинный аккуратный шрам. – Я бы посоветовала вам бежать со всех ног, мисс Рой... Но, боюсь, слишком поздно. Не в моих правилах отпускать на волю бешеного зверя.

Наблюдая за быстрым заживлением раны, Сара восхищённо вздохнула, но затем взяла себя в руки. Её предупреждали о способностях противника, и как бы странно ни выглядела мистическая составляющая их борьбы, у Сары была причина принимать это как должное, игнорируя страх.

– Привязанность – главная человеческая слабость, – ответила она. – Из-за этого умерла ваша Неми. Неужели вы хоть на мгновение поверили, что мисс Ларсен пустит материалы в печать? Конечно, вначале она собиралась доблестно разоблачить секту, но когда узнала правду... На самом деле от неё ничего не зависело. Она бы не раскрыла свой очаровательный ротик. Знаете, любовь сильно мотивирует.

– О..., – Виктория прищурилась. – Неужели в организацию вступил кто-то из её близких?

– Натаниэль Ларсен очень богатый человек.

– Отец...

– Любая религия – не более чем средство управления людьми. Власть над миллионами верующих. А людям нравится во что-то верить. Им кажется, вера превращает их в избранных, в просвещённых. Особенно тем, кто привык

к вседозволенности. Богатые ищут для себя особую миссию, предназначение... И ради того, чтобы их признали высшие силы, готовы отдать не только состояние, но и собственную душу.

– Неужели всё затевалось ради денег?

– Ну, скучно, скучно! – воскликнула Сара. – За крупными суммами кроются большие возможности. И ничто не прокладывает путь к власти лучше, чем религия.

– Вот оно что, – понимающе кивнула Виктория. – И как много людей из Парламента вошли в вашу секту?

– Мы пока только начали пробиваться.

– А тот неизвестный, кто жаждет получить моё сердце, вам помогает?

– Вы удивитесь. Он даёт очень ценные советы!

Сара оскалилась и притким язычком провела по верхним зубам.

– Когда мисс Ларсен узнала о нём, не могла больше сдерживаться.

– Вы ведь и раньше пытались её остановить, не так ли? – спросила Виктория, хотя уже догадывалась, что произошло. – Сколько раз вы покушались на Неми?

– Трижды.

– И она трижды оказывалась невредимой.

– Когда мы рассказали об этом вашему почитателю, он очень заинтересовался.

– И подкинул вам идею, как можно убить Неми?

– Без сердца никто не может жить, даже тот, кто создал философский камень.

Уголки губ Сары дёрнулись.

– В мире нет ничего невозможного, и если нам удалось расправиться с мисс Ларсен, что помешает сделать то же самое с вами?

– А вы справитесь?

– Я всего лишь скромный телохранитель своего господина. Когда мне дают поручения, я исполняю их.

В зале вновь зазвучала музыка. Быстрая и тяжёлая, под стать ситуации.

Они напали одновременно.

Сара целилась в наиболее слабые месте, но её атака успешно отражалась. Отскочив от ударов, она заметила позабытый на полу кинжал соперницы и, изловчившись, в прыжке прихватила его. Доля секунды... Рука с занесённым оружием полоснула Викторию по щеке, оставляя рваный порез от губы до мочки уха. И проворонила момент, когда следовало увернуться. Пальцы Виктории попали по заветному нерву, обездвиживая жадную до убийства женщину. С протяжным стоном Сара осела на холодный кафель. Кинжал выпал из мгновенно ослабевшей руки. Ноги отказались держать.

Морреаф растёрла по лицу кровь и желчно сплюнула.

– Гамбит, – прошипела она под нос, сознавая, что пришлось пожертвовать лицом ради ахиллесовой пяты противника. Впрочем, кровоточащая рана волновала Викторию

меньше всего; регенерация займёт время, а ответы нужно искать сейчас.

– Интересно, если я пришлю лорду Грэхему вашу красивую головку, он сильно расстроится?

Взгляд Сары сделался пустым и безжизненным, будто она уже подписала себе приговор.

– Ладно, – вздохнула Виктория. – Мне больше семисот лет, так что зря вы рассчитывали на свои силы, мисс Рой. Не знаю, кто подначил вас схлестнуться со мной, но это было очень глупо.

– Я всего лишь исполняю приказы, – сухо отозвалась женщина.

– До сего дня вы неплохо справлялись.

– Ошибаетесь, – в голосе Сары слышалась горечь. – Я выполнила приказ.

– Но вы не убили меня.

– Это не было необходимостью.

– Так вы..., – Виктория перевела взгляд на дверь. – О, Боже... Уидмор!

– Мы возложили на него особую роль.

– Зачем вам брат Неми?

– Скоро сами всё узнаете, – оскалилась Сара. – И помешать уже не сможете. Слишком поздно.

Ей не терпелось рассмеяться во весь голос, но парализованная нервная система сделала женщину беспомощной. Музыка тем временем стихла, и зал охватил шум аплодис-

ментов.

– Я так понимаю, лорд Грэхем давно ретировался с представления, – произнесла Виктория, разглядывая ни на что не годную соперницу. – Зато фанаты вашей секты в полном составе. Собственно говоря, я сюда ради них пришла.

Она взглянула на часы.

– Две минуты осталось.

– Две минуты до чего? – удивилась Сара.

– До того, как сработают датчики дыма, и со всех потолков здания вместо воды хлынет бензин, – Виктория посмотрела вверх, оценивая обстановку. – Решайте, как хотите умереть: в одну секунду от перелома шеи или сгореть заживо?

– Дьявол!

– Говорила же, я не отпускаю бешеного зверя.

– Что вам нужно от меня?

– Я задам вопрос, и вы дадите честный ответ. Кто такая Меропа Эджворт?

Сара сглотнула.

– Она должна занять роль пророка. Творить чудеса, убеждать людей в нашей искренности... Но на самом деле...

– Да?

– Я ещё не встречала человека, который владел бы гипнозом лучше неё. Лорд Грэхем считается непревзойдённым мастером, но даже его разум оказался бессилён. С тех пор как появилась эта Меропа, он во всём её слушается.

– Почему вы зовёте её Меропой? Настоящее имя девушки-

ки – Вероника Вэйн.

– Забудьте о Веронике, – горестно усмехнулась Сара. – Существует только Меропа Эджворт.

Виктория продолжила бы допрос, но время истекало. План был расписан с точностью до минуты, и ей ничего не оставалось, кроме как выполнить обещание.

Если бы Чарльзу Уидмору сказали, где он проведёт следующую ночь, он бы набил шутнику морду.

Грубые верёвки натирали руки.

Сам он сидел на стуле.

Больше в помещении ничего не было. Кроме голой лампы, освещавшей ободранные стены.

Сколько он спал? И сколько уже здесь находился?

Вопросы, вопросы... Их возникало сотни, тысячи, стоило человеку попасть в неординарную ситуацию. Пытаешься соображать логически – не выходит. Преследует скользкий страх, от которого никуда не деться. Скрипнула железная дверь, и в полутёмное помещение скользнула лёгкая хрупкая фигурка. Чарльз пригляделся и понял, что перед ним стояла девушка со смутно знакомым лицом. Где-то он её видел. Но где?

– Не трудитесь, – раздался странный голос, режущий по ушам. Казалось, он не мог принадлежать этой девушке, она выглядела слишком нежно, слишком... противоречиво?

Смятение Чарльза не осталось незамеченным.

Приятные черты лица не имели ничего общего с тёмными глазами, источавшими острую неприязнь, больше похожую на злобу, нежели на простое отвращение.

– Смотри на меня! – приказала Меропа Эджворт. – Смотри и слушай мой голос!

Глава 7. Теракт на Трафальгарской

– Ааа, голова болит! – это были первые слова, слетевшие с уст Моргана утром, когда он, едва разлепив глаза, свалился с постели. Рид промычал нечто невразумительное и запустил в друга подушкой.

– Ай! – донеслось недовольное снизу.

– Я предупреждал, что этим всё кончится, – неожиданно Рид обрёл дар красноречия. – Не дай Бог Клод позвонит!

– Не каркай.

– Я не ворон, чтобы каркать. Это прерогатива Кроули.

– Кроули...

– Да, Кроули.

Рид приподнялся и сбросил тяжёлое одеяло.

– Надеюсь, его сотрудничество с Викторией не продлится долго.

– Почему ты его не любишь? – вяло поинтересовался Морган, потирая затылок.

– А с какой стати мне его любить? Этот пижон только и делает, что выпендривается.

– Клод говорил, он потомок того самого Кроули... Морреаф была знакома с его предком.

– Да, да, я помню эту историю, – Рид двинулся на кухню в поисках кофе. – Великий и неподражаемый Алистер Кроули проник в глубины магии и вызвал древнего духа, ко-

торый поделился с ним знаниями. Правда, ничего из этого от смерти его не спасло. Как и все выскочки, он плохо кончил.

– Блин... Я должен был прошлым вечером позвонить Хелен! Если я не появлюсь на днях дома, то кончу ещё хуже! – изрёк Морган.

– Скажи спасибо, что она уверена в твоей ориентации, – усмехнулся Рид. – Проводить ночи на квартире лучшего друга в наши дни в Англии просто опасно.

– Не напоминай мне об этом всеобщем помешательстве, – Морган раза с третьего сумел подняться на ноги и вошёл на кухню. – Ничего не имею против геев, но мне надоело каждый раз убеждать знакомых, что мы коллеги, а не сладкая парочка.

– Кофе нет, – Рид указал на проблему посерьёзнее.

– Как нет? – тот заглянул в пустую банку. – А минералка есть?

– Нет.

– А что вообще нет?

– Пакетики чая... Пфф, – Рид повернулся к другу. – Слушай, я бываю у себя дома не чаще, чем ты. Откуда здесь может взяться кофе или минералка, или даже хлеб с маслом? Вся моя жизнь там, на работе, в уютном кабинете, где есть телек, комп, музыкальный центр, потайной бар и диван.

– Ты мог закупиться заранее!

– Я не знал, что ты припрёшься.

– А я не знал, что Клод заставит тащить канистры с бензином!

– Канистры? – мозг Рида после ночной попойки приготовился к анализу. – Клод что-то сжёг?

– Пожар устроил в городе.

– Где?

– На приёме того модельера... как его... Гаранса.

– И... он там что, всё сжёг?

– Всё-всё. Видел бы ты, сколько пожарных приехало!

– Зачем ему сжигать этих клоунов моды?

– Ну, как я понял, на приём пришли те богачеи из секты. Помнишь, о них журналист рассказывал?

– Да.

– Ну, вот он их и убил.

– Всех?

– Я видел, как их из огня вытаскивали. Они сильно обгорели, не думаю, что вскоре вернутся к нормальной жизни.

– А что Виктория?

– Да чего с ней станется!

– Забавно, – Рид отыскал пульт и включил телевизор. – В новостях показывали?

– Должны были. Честно говоря, для меня такой радикальный ход стал полной неожиданностью, – признался Морган. – Виктория только-только узнала о секте и уже всех спалила к чертям.

– Ей не хочется тянуть резину. Да и по-другому нельзя,

эти люди оплачивают массовые убийства. А жажда мести ускоривает час расплаты, вспомни беднягу Неми.

– А что чувствуешь потом? После того, как отомстишь?
Рид пожал плечами.

– Виктория живёт не по нашей морали и ощущает не то же самое.

– И всё-таки?

– Даже отомстив, утраченное не вернёшь, однако это даёт определённую цель, дарит иллюзию покоя. Но что-то мне подсказывает, дело не только в мести. Для Виктории это очередное маленькое сражение, а гибель мисс Ларсен – повод начать войну.

– А что скажешь про Кроули, господин психолог? – спросил Морган, усаживаясь на стул. – Ему какой резон помогать ей?

– Не хочет оставаться в стороне.

Мобильный Моргана завибрировал.

– Это Клод, – поморщился он.

– Ну, теперь день начался по-настоящему.

Морган поднёс телефон к уху: «Слушаю».

– Что сегодня должно произойти в городе? – раздался вопрос с того конца трубки.

– Э-э-э..., – глубокомысленно изрёк Морган. – Пожар уже случился. Полагаю, Парламент взорвётся?

– Идиот, – ответил Клод. – Жду тебя с Ридом на Трафальгарской площади через пятнадцать минут.

– Пятнадцать минут?! – возмущённо переспросил тот. – Да я ещё зубы не чистил!

Клод успел отключиться и не услышал восклицание недовольного подчинённого.

– Куда ехать? – Рид отправился в спальню за джинсами и курткой.

– На Трафальгар.

– А, ну да, – припомнил напарник. – Сегодня же праздник. Телевидение, выступление мэра, концерт, торжественное шествие...

– Только мы-то что там забыли?

Бдительная охрана следила за тем, чтобы к мэру не выскочил какой-нибудь сумасшедший. Однако Патрик Джекел не успел из машины выйти, как попал во внимание незнакомой девушки. Надетое нараспашку пальто едва ли могло согреть её худенькое тело.

– Мистер Джекел! – окликнула она.

Мужчина остановился, решив, что наткнулся на очередную журналистку.

– Откажитесь от выступления! Вас хотят убить! Я вижу вашу смерть! – внезапно прокричала она. – Пожалуйста, послушайте меня!

– Вот чокнутая, – прошипел Джекел и подал знак охране. – Уберите эту идиотку!

И уставился в тёмные глаза. Магнетические, чужие.

Слишком странные, чтобы игнорировать их. Джекел до крови прикусил губу. Почему он не мог разорвать зрительный контакт?

«Не сопротивляйтесь, завидев убийцу», – прозвучал в голове приказ.

В мозгу зашевелилось нечто инородное. Висок кольнуло. «Расслабьтесь и продолжайте выступление», – продолжил голос.

Охрана поспешила отвести девушку в сторону.
– Чёрт, – Джекел ощутил вместе с металлическим прикусом лёгкую отрезвляющую боль. – О чём я думал, подпустив её?

Меропа Эджворт безучастно наблюдала, как направляется к трибунам мэр Лондона. День выдался ясным и безоблачным – идеальные условия для постановки. ветер трепал её лёгкое несезонное пальто, но холода она не чувствовала.
– Мисс Эджворт? – позвали девушку.

Меропа посмотрела на человека, осмелившегося потревожить её покой. Посреди забитой парковки стоял светловолосый молодой мужчина в элегантном чёрном костюме.

– Или правильнее мисс Вэйн? – он приблизился на шаг.
– Давно меня ищете? – скучающим тоном отозвалась Меропа.

– Вас ищу не я, а ваш брат Алан. Надеюсь, вы не забыли о своей семье?

– У меня нет семьи, – поступил ровный ответ.

Взгляд проник за оболочку сознания незнакомца, однако невидимый щит отразил атаку. Мужчина оказался непрост.

– Как вас зовут? – спросила она, когда поняла, что потребуется больше времени на овладение его разума.

– А какая разница? – мужчина мягко улыбнулся. – Есть легенда: если узнаешь тайное имя противника, сумеешь его победить. Зачем мне давать вам в руки оружие?

– Может, для разнообразия?

– Вас зовут не Меропа Эджворт и уж тем более не Вероника Вэйн. Я видел вашу душу и знаю, что вы из себя представляете.

Девушка изменилась в лице.

– И кто я?

– Гнев.

Повисло молчание.

Александр Кроули не понимал, почему его сердце возрадовалось присутствию загадочного и явно опасного существа. Было ли в этом виновато противоречие внешнего вида? Небрежно стриженные, кое-как покрашенные в белый волосы, одежда, не годившаяся для поздней осени, выразительная худоба – несомненно, пережиток похищения и насилия, – и будто срисованные с чужого лица глаза. Александр поймал себя на мысли, что хотел бы коснуться Меропы, убедиться, что перед ним реальный человек, а не персонаж из сказки – оборотень в теле красавицы.

– Откуда вы знаете меня? – её взгляд стал интенсивнее. –

Никто бы не отгадал, что за альтер-эго пробудилось в удобных для него условиях! Как вам удалось увидеть? И как вы блокируете сознание? Что с вами не так?

– Зачем вы работаете на Рейналфа Грэхема? – мужчина словно не услышал её вопросов. – Вы сильнее его. Он больше не может держать вас взаперти.

– Я на него не работаю. Мне не интересен этот зануда, – злой оскал расцвёл на губах Меропы. – Мне интересно человечество.

– В людях нет ничего особенного.

– Ошибаетесь. Я докажу вам... очень скоро...

Со стороны площади раздался выстрел. Послышались крики ужаса.

– О! – томно выдохнула она. – А вот и начало.

– Вы убили мэра, – догадался Александр. – Зачем? Хотите посеять хаос?

– А что порождает хаос, не думали?

– И что же его порождает?

– Вот вы, кажется, такой умный, а столь простой вещи не замечаете, – ответила Мeroпа с наигранным разочарованием.

Он достал пистолет и наставил на девушку.

– А может, мне спустить курок и покончить с хаосом?

– Не думаю, что вы на это пойдёте, – Мeroпа покачала головой, затем бесстрашно приблизилась к детективу и упёрлась грудью в дуло оружия. – Вы горите желанием разгадать

тайну моей сущности, понять, как и почему человек перерождается внутри себя. А ещё вам не терпится выяснить, что я сделаю в конце, когда люди окажутся в моей власти.

Тьма в её глазах полыхала. Александр знал, Мерепа вновь пытается пробить брешь в разуме, но лишь посмеялся над настойчивостью девушки.

Кое-что она почувствовала. Вязкое, inferнальное, со вкусом сырой могилы – душа, скованная цепью родового проклятия, проданная преисподней задолго до своего появления. Эта душа не искала света, но её вырвали из когтей тьмы прежде, чем она встретила гибель.

И Мерепе не было дано одолеть сознание незнакомца: он не из колоды потенциальных жертв, он слеплен из иного материала – всё равно что гончара заставить ковать меч. Она отвела взгляд и отступила.

– Мне пора.

– Смею надеяться на скорую встречу, – ответил Александр, убирая пистолет.

– Да, – девушка отдалялась шаг за шагом. – Вы можете надеяться.

Мерепа покинула парковку и затерялась вдали.

Шум мигалок оповестил о прибытии «скорой». Белая машина припарковалась на другом конце улицы. Из неё выскакивали люди в халатах и устремились к мэру, который, по мнению детектива, был мёртв и в помощи не нуждался.

Одного выстрела оказалось достаточно, чтобы осуществить заданную цель: только появившийся на трибуне мэр приступил к речи, как пуля влетела ему в лоб. Раздались крики. Люди шарахнулись в сторону от вооруженного парня. Никто не обратил внимание на его стеклянные глаза и бесстрастное выражение, с каким он стоял посреди площади, не собираясь ни убежать, ни обороняться от надвигавшихся полицейских. Чарльза Уидмора быстро скрутили и повели к машине. Охрана бестолково топталась вокруг мёртвого мэра. Первое, что всех накрыло – шок, вызванный неожиданным и громким преступлением.

Во всеобщей суматохе, криках и возне присутствовало кое-что ещё, подозрительно похожее на седую дымку. Виктория наблюдала за толпой с безопасного расстояния и не могла упустить из виду чувство приближающейся катастрофы. Оно всегда имело особый привкус, от которого под языком возникала вязкость, будто плавящееся железо. Сердце замедлило ход, затем застучало с удвоенной скоростью, быстрее и быстрее по мере осознания того, что должно произойти.

Виктория набрала номер детектива.

– Кроули, где вы? – спросила она в трубку.

– Собираюсь выйти на площадь.

– Нет! Не вздумайте! – фрау Морреаф сама поразилась силе своего беспокойства. – На площади что-то случится. я пока не знаю, что именно. Дайте сигнал своим убраться как

можно дальше.

– Понял, – Александр не стал вдаваться в подробности.

Виктория отправила сообщение Клоду с тем же содержанием и принялась ждать. Но долго томиться не пришлось. Она оказалась права: гибелью мэра спектакль не кончился.

Прямо возле трибуны прогремел взрыв. В ушах заложило, глаза заслезились от острой пыли.

Уже не дымка, а туман заполонил Трафальгар, спрятав раненых и убитых. На мгновение стало ужасающе тихо: никто не взывал о помощи. Люди были оглушены. Лишь спустя время из рассеивающегося сумрака выползли окровавленные жертвы терроризма.

Виктория наблюдала за тем, как меняются выражения изувеченных лиц с ужаса и неверия на невыносимую боль. разрушенную площадь огласили стенания. Крепкая рука вдруг легла на плечо женщины.

Виктория оторвалась от созерцания трагедии и увидела Клода Каро.

– Идём, – коротко бросил он и, не дождавшись реакции, подхватил её под руку и повёл к парковке. Виктория не сопротивлялась.

Она предполагала, что адепты секты устроят резню на празднике. Для этого и понадобилось похищение Чарльза Уидмора. Всё шло по строго продуманному кем-то плану. Этот день обещал войти в календарь как траурный аж на столет впереёд, и изменить уже ничего было нельзя.

– Кроули встречался с Меропой, – сообщил Клод после того, как посадил её в салон автомобиля и дал ходу в офис. – Они весьма мило поболтали на парковке.

– Он отпустил её? – удивлённо спросила Виктория.

– Да. Сначала наставил на девушку пистолет, потом передумал и позволил уйти.

– О чём они говорили?

– Не слышал. Я далеко сидел.

Клод бросил на фрау Морреаф сочувственный взгляд.

Присутствие агента действовало на Викторию убаюкивающе. После страшного происшествия хотелось окунуться в тепло, и Виктория позволила себе абстрагироваться от лондонской реальности, сосредоточившись на простых низменных ощущениях. Ей не требовалось прикасаться к Клоду, она довольствовалась исходившей от сильного тела энергией, которая умеючи играла на струнах женского нутра, как на музыкальном инструменте.

– Какая она, эта Меропа? – нарушила молчание Виктория, наблюдая за пролетавшими мимо домами.

– Я не психолог, – напомнил Клод. – Но скажу одно: есть в этой девушке что-то нехорошее, словно она фальшивка. Ненастоящая.

– Ненастоящая, – повторила Виктория угрюмо. – Не верю, что она одержима злым духом.

– Почему?

– Духи не столь разборчивы. Их не интересуют людские

игры, политика, отношения между социальными группами. Всё, что им нужно – души. Напившись энергией, демон покидает выбранное тело. И потом, у одержимого есть особые признаки: прогрессирующая слабость, вялость, апатия, неконтролируемый беспричинный страх, голоса в голове, плохие мысли, провалы в памяти... А Меровпа осознаёт все свои поступки.

- Значит, мы имеем дело с обычными террористами?
- Возможно. Я ни в чём не уверена.
- Но у вас есть теории?
- Да, и их нужно проверить. Что с Ридом и Морганом?
- Они следуют за девушкой.
- Хорошо. Надеюсь, мы выйдем на штаб секты.
- Можно вопрос?
- Конечно.
- Мы доверяем Кроули?

Виктория с удивлением на него воззрелась.

- Почему ты спрашиваешь?

- Он не из наших, – пояснил агент. – Непроверенный.

Но если вы считаете, что Александр Кроули достоин нашего доверия, я буду прислушиваться к его словам.

- Пойми, Клод, ты сам должен научиться разбираться в людях. Я не Господь Бог, и меня, как и любого, можно обмануть. Если чувствуешь ложь, а кто-нибудь по незнанию утверждает, что это правда, как ты поступишь: согласишься себе или ему? Научись принимать важные решения само-

стоятельно. Невозможно заставить человека поверить, это слишком личное. Но я скажу так: Кроули не похож на того неопытного милого юношу, каким запомнился мне в нашу первую встречу. он расцвёл, залатал слабые стороны и преумножил то, что помогало ему в достижении цели. Все люди для Кроули – шахматные фигуры, и я в том числе. Какими-то он может смело пожертвовать, другие будет оберегать. Пока ему выгодно со мной сотрудничать, он будет защищать мои интересы.

– Значит, с ним надо быть настороже, – подвёл итоги Клод.

– Да. Именно так. Настороже.

– Я подумал... Вас ведь нельзя сбросить со счетов, пожертвовать наравне с пешками. Он не может вами манипулировать. Разве вы не представляете потенциальную угрозу?

– Для Кроули это болезненная тема. Как только ему начинает казаться, что я хочу его приручить, он пытается вцепиться в глотку. Я не удивлюсь, если в будущем ему взбредёт в голову убить меня.

Чарльз очнулся в камере для допроса. Потряс головой, вытер слипшиеся ресницы и уставился на молодого мужчину, сидевшего напротив.

– Кто вы? – изумлённо спросил Чарльз.

– Детектив Кроули.

– Детектив? А где я?

– В полиции.

– Что? – парень испуганно огляделся. – Как я здесь оказался?

– Успокойтесь. Мне важно узнать последнее, что вы помните.

– Э-э-э..., – Чарльз попробовал сосредоточиться, однако в голову не лезло ничего, кроме бесконечных вопросов. – Э-э-э... Да я ни черта не помню!

– Совсем-совсем ничего?

– Да что здесь происходит? – парень вскочил со стула и заметил наручники. – А это зачем? Я задержан?

– Успокойтесь и сядьте, мистер Уидмор.

– Просто объясните мне, наконец!

– Боюсь, вы сойдёте с ума, если скажу, – вздохнул Александр, изучая беднягу. – Лучше постарайтесь вспомнить.

– Не могу, – Чарльз помассировал виски. – Голова болит! Детектив бросил ему упаковку таблеток.

– Глотните, поможет.

– Спасибо.

Уидмор извлёк пару и положил в рот.

– Я был на празднике, на вечере Гаранса, – сказал Чарльз, когда боль немного отпустила. – Встретил ту женщину, Викторию Морреаф. Это известный меценат, слышали о ней?

– Да. Продолжайте.

– Там присутствовал лорд Грэхем. Мы обменялись любезностями. Он представил свою невесту, кажется, её звали Са-

ра Рой. Морреаф не очень хорошо отозвалась о них, потом куда-то исчезла. Я собирался уйти, но...

– Но?

– Что-то произошло. Я помню голос. Знаете, такой странный голос. Он был везде. Вокруг меня. Внутри меня. В моей голове. Голос приказывал, а я слушал... Скажите, что я здесь делаю? Я ничего толком не помню!

– Новости вам не понравятся, – ответил Александр. – Сегодня на Трафальгарской площади убили мэра.

– Как? Патрика Джекеда? Какой ужас!

– Вы убили мэра.

Молчание.

– Нет! – Чарльз пребывал в шоке. – Невозможно!

– Вас загипнотизировали и заставили убить человека.

– Я даже стрелять не умею...

– Ваши навыки и не требовались.

Детектив поднялся, собираясь покинуть камеру.

– Стойте! Что мне делать?! – в истерике заорал парень.

– Звоните адвокату.

Глава 8. Цена доверия

О мать латинских игр и греческих томлений,
Лесбос, где смена ласк то сонных, то живых,
То жгуче-пламенных, то свежих, украшение
Пленительных ночей и дней твоих златых...

Виктории снились солнечный свет и ласковые прикосновения. Мягкие губы коснулись лба. За этот мимолётный поцелуй женщина готова была платить высокую цену, но он доставался в подарок, впрочем, как и сам обладатель нежных рук.

Лесбос, где поцелуй подобен водопадам,
Без страха льющимся в земные глубины,
Бегущим, стонущим и выющим каскадом;
Где неги глубоки, безмолвны и сильны;
Лесбос, где поцелуй подобен водопадам.

Виктория открыла глаза и увидела, как Неми с упоением читает Бодлера, сидя подле неё. «Ты ангел?» – прошептала она, созерцая безупречный лик, обрамлённый белыми кудрями. – «Если это правда, я готова отдать жизнь, только бы видеть тебя рядом». Неми обхватила её ладонь и прижала к горячей щеке. Этой близости не хватало обоим.

Пускай старик Платон сурово хмурит брови;
Тебе все прощено за таинства твои,
Владычица сердец, рай наших славословий,
И за сокровища восторженной любви.
Пускай старик Платон сурово хмурит брови.

Взгляд Виктории спустился вниз, на грудь, где должно было биться сердце искренней, но запретной любви. Вместо гладкой кожи зияла дыра с вывернутыми рёбрами и растекавшейся кровью. Пальцы дотронулись до оголённого мяса, однако ни тошнотворного запаха, ни приступа отвращения не нахлынуло.

«Я вижу тебя», – сказала Виктория, боясь спугнуть момент. – «Смерть тебе не к лицу».

«Смерти нет», – с улыбкой ответила Неми.

– Эй, эй! – кто-то бесцеремонно тряс её за плечо. – Очнитесь!

– Что? – Виктория вздрогнула и резко вскочила с дивана. – Что случилось?

Наблюдая за тем, как она впопыхах пытается осмыслить ситуацию, Клод понял, что следовало разбудить женщину позже. Захваченная сном, она, не подозревая, шептала одно и то же имя – Неми.

– Виктория, – сочувственно произнёс бывший боевик,

не зная, как развеять захлестнувшее её беспокойство. – Виктория, успокойтесь!

Но она уже пришла в себя. Подошла к шкафу и вытащила бутылку, которую не так давно распивала с Кроули.

– Я думал, бессмертным не снятся сны, – скромно добавил Каро.

– Сон снится, если есть воображение, – Виктория глоток за глотком прочищала горло. – Хвала небесам, я пока рас-судка не лишилась.

– Плохо, когда мёртвых видишь.

– Я вслух разговаривала?

– Да.

– Что ж, – фыркнула она. – Скрывать всё равно нечего.

Тёплый кабинет тонул в сумерках. Очертания мебели размывались в подступающей темноте, и наиболее реальным выглядел рослый широкоплечий мужчина, не спускавший глаз с директора компании. Все остальные вещи терялись и прятались.

– Я не ожидала, что Неми умрёт, – призналась Виктория. – Одно дело, когда понимаешь, что с человеком вскоре придётся проститься, но другое дело – когда внезапно получаешь приглашение на незапланированные похороны.

– Да, Неми того не заслужила, – согласился Клод.

Он безмолвно наблюдал, как фрау Морреаф приканчивала бутылку. Когда последний глоток был сделан, её плечи передёрнулись, спина напряглась. Чувствовалось в этом нечто

волнительное. Женщина повела рукой, пустая бутылка выскользнула из ладони и разбилась. Виктория, будто пребывавая во сне, медленно опустилась, чтобы подобрать осколки. Один из них цепко ухватился за кожу и разрезал её. Пальцы обагрились кровью. Со сжатых губ не сорвалось ни стона, она словно и не поняла, что поранилась.

Клод дёрнулся вперёд, рухнул рядом, достал из кармана платок и прижал к влажному шраму. волосы женщины поневоле защекотали грубое лицо, и Клод лишь потом осознал, насколько интимной выглядела ситуация: он наедине с Викторией в её кабинете, зажимает рану в попытке остановить кровь и теряет от терпкой близости.

– Не стоит, – выдохнула она. – Порез уже затянулся.

Её пальцы легли на сильную руку и отвели в сторону. Клод с изумлением смотрел, как в считанные секунды срастается ранка.

– Твоя помощь неоценима, – продолжила фрау Морре-аф. – Я верю тебе, Клод. Верю, как никому другому. Я так же страстно верила Неми, но её жизнь отняли. Ты остался.

– Вы же знаете, я всегда буду рядом, – отозвался мужчина и вдруг поразился, как хрипло прозвучал его голос. – Я иду за вами и воюю за вас.

– Верю, – она с какой-то затаённой надеждой смотрела ему в глаза. – Ты спрашивал, можно ли доверять Кроули. И я отвечу: ни в коем случае. Но в этом мире должен быть человек, на которого хочется слепо положиться. И я полагаюсь

на одного тебя.

– Виктория...

– Взрывы, убийства, погоня – всё направлено против меня. Им не нужны ни Неми, ни мэр, ни бедняжка Уидмор. Им нужна я. Одна только я.

– Вы не проиграете, – он сжал кисть Виктории, показывая силу своей преданности. – Я знаю, бессмертным приходится переживать немало партий, но я не из тех, кто завидует их участи. Мне не нужны ни боль вашего существования, ни ваши страдания. Тысячу раз Жнец являлся за моей душой, но я умел обманывать, ставил на кон жизнь и забирал награду. Поэтому я здесь и поэтому такие, как вы, нужны во мне и ищут поддержки. Правда в том, что я сильный. Не разыгрывайте слабость, не показывайте ахиллесовой пяты, наоборот, прячьте всё это как можно дальше, в глубины вашей широкой души. Будьте госпожой, предводителем! Вы – чёрная королева, ферзь на шахматном поле, и выше вас по рангу только Судьба. Она здесь король, другого не сыщешь. А ферзь движется в любом направлении и пересекает поле за раз. Однажды я принёс клятву верности и повторяться не собираюсь. Вы нужны мне, я нужен вам. Иных причин нет.

Виктория молча смотрела, как взволнованный мужчина, отдышавшись, поднялся с колен и покинул кабинет. Она выбрала Клода не случайно. За минувшие годы агент ни разу её не подвёл. Этот человек не поддавался иллюзиям, он

был убийцей. Псом, гораздо сильнее и опытнее остальных. Но не другом, не поклонником, не приятелем. И главное, Клод ясно осознавал своё место и не собирался ничего менять.

Невзирая даже на чувства.

Виктория знала о его любви. Это не было простым влечением. Это было безмолвное признание и преклонение, привязанность слуги, одержимость. Одна из граней тех чувств, которых она сама испытывала к Неми.

Нечто кривое и извращённое. Навязчивая идея обладания светлой безгрешной душой, преследующая демона. Как из серой безликой толпы появляется гений, из народа язычников – пророк Божий, так же и из мира фальши вышла искренняя натура, противопоставившая себя обманам. Неми навсегда останется загадкой для порочной Виктории и запомнится как маленькая звезда, которая вспыхнула слишком ярко и быстро.

Кроули был прав, когда превратил мир в шахматную доску. Пёс верно сказал: это очередная игра для Виктории, а для исполнителей её воли и намерений – целая жизнь.

Враг играл.

Репортёры заполонили комнату, обступив со всех сторон хрупкую, несчастную на вид девушку. В скромном сером платке Меропа выглядела по-настоящему невинно; на бледном лице застыла обречённость. Опушенные ресницы пря-

тали глаза, способные заморозить любого.

Новоиспечённая ясновидящая стеснительно отвечала на вопросы журналистов о том, откуда появился странный дар и как она им пользовалась. Неутешительные прогнозы якобы причиняли боль, и Меропа признавалась, что несёт свой крест со страданиями и горем. Всем уже стало известно, что гибель Патрика Джеке́ла она тоже предрекла, однако мэ́р её предупреждениям не внял, за что и поплатился. Прямо на месте Меропа делала предсказания каждому репортёру, касаясь иногда и личной сферы их жизней, а те потрясённо переглядывались. Меропа производила впечатление святой, и некоторым даже казалось, что от неё исходило неуловимое сияние.

Когда всё закончилось и журналисты уехали, в комнату вошёл Рейналф Грэхем. Мужчина был чрезвычайно доволен. За минувшие часы Меропа не поменяла своё положение в кресле и даже не обратила на графа внимания, когда он прикоснулся к мягкой ткани её платка.

– Мой пророк! – прошептал Грэхем, пытаясь приласкать девушку. – Мой маленький ангел, ты лучший подарок, какой я когда-либо получал! Это ведь приятно, скажи? Приятно, когда люди валяются у тебя в ногах? Я сделаю больше! Я отдам в твоё распоряжение всё человечество! Ах, какая начнётся вакханалия, какой будет праздник крови! Жду-не дождусь этого священного дня! Нашего дня! – Рейналф наклонился к неподвижной Меропе. – Мы увидим танцующего

в пламени Мефистофеля и взывающего к небесам Фауста!
Это будет грандиозно!

Сумасшедший взгляд бегал по бесстрастному лицу Меропы в поисках ответа, но она не реагировала. Рейналф, жадный до своей игрушки, потянулся к губам, как внезапно раздался хруст. Хватило одного движения, чтобы сломать мужчине мизинец и заставить передумать насчёт глупостей. Рейналф вскрикнул от резкой боли и отшатнулся. Меропа с тупым равнодушием наблюдала, как он стонет и сжимает повреждённый палец.

– Зачем ты это сделала? – заорал он. – Зачем ты всё портишь?

– Сколько бесполезных эмоций, – прозвучало в ответ.

– Мы союзники, забыла? Это я дал тебе свободу!

– Ты заблуждаешься.

– *Мама, поиграй со мной!*

– *Уходи.*

– *Мама, пожалуйста!*

– *Ты не слышал меня? Убирайся в свою комнату и сиди там!*

– *Мама, почему ты сердисься?*

Безразличие в голубых глазах.

– *Я не сержусь.*

– *Ты меня не любишь?*

Молчание.

– *Иди в комнату.*

Сколько холода в голосе!

– *Мама, ты плачешь?*

– *Тебя это не касается.*

Ему показалось.

– *Мама, чем я могу помочь тебе? Я всё для тебя сделаю!*

– *Уходи.*

Рейналф сам не знал, как всплыло это древнее воспоминание.

Каждый раз, когда он пытался сблизиться с теми, кого любил, получал боль. Он никому не был нужен. И так продолжалось долгие годы.

Меропа смотрела на него точно так же, как мать. Этот взгляд без конца твердил: «Лучше бы ты вообще не рождался». Презрительно. Холодно. Осмысленно. Она нашла его слабое место. Заставила краснеть и дрожать, словно нашкодившего школьника перед угрозой наказания.

Рейналф хотел бы вспомнить жаркие объятия Сары и раболепие Винсента, это могло бы вытеснить неприятные ощущения из детства, однако оторваться от тёмных глаз Меропы не удавалось. Она заполнила его всего, окрутила цепями и давила, давила, давила... Слишком сильный гипноз, слишком мощная энергетика.

«Мама... Мамочка...».

Рейналф слышал собственный плач. Терзался обидами прошлого, хлеставшими не хуже пощёчин. И сам не заметил,

как опустился на колени перед девушкой. Не заметил, как подполз к её худым ногам и неумело, но покорно поцеловал прохладную руку.

— Надо же, — Меропа с удивлением лицезрела крах своего господина. — Получилось.

Два дня спустя Александр заскочил в местный паб позавтракать и выпить бодрящего кофе, действия которого хватило бы на пару часов непрерывной работы мозга, затем пришлось бы принять ещё порцию. Скотланд-Ярд не любил долго ждать. Шумиха вокруг убийства мэра не утихала. Лондон гремел и негодовал, требуя правды.

Официант устремился выполнять заказ, пока Кроули усаживался за столик возле огромного аквариума. Неожиданно детективу подсунули утреннюю газету. Взгляд Александра невольно зацепился за фотографию Мерыпы Эджворт на первой полосе.

— Наш пророк обретает всё большую популярность, — он развернулся на стуле и натолкнулся на женщину в чёрном пальто.

Виктория села напротив и дала знак подоспевшему официанту принести кофе.

— Два дня, а от вас ни слуху, ни духу, — несколько обиженно ответила она. — Если гора не идёт к Магомеду, Магомед идёт к горе.

— Я работаю.

– Работаете над делом Чарльза Уидмора и не докладываете мне?

– Докладывать? – Кроули поморщился. – С какой стати? Это дело государственной важности.

– Полагаю, когда взорвётся город, это перестанет быть делом государственным, а станет делом каждого.

– Не беспокойтесь, фрау Морреаф. Лондон простоит ещё тысячу лет.

– Вашими бы устами да мёд пить, – оскалилась Виктория. – Но, боюсь, этот теракт будет не единственным.

Официант подбежал с подносом, поставил две чашки на столик посетителям и скрылся.

– Я не хочу откровенничать с человеком, который не планирует говорить правду, – отрезал Александр, деловито закинув ногу на ногу. – Вы получили приглашение в первый ряд на просмотр интересного фильма о том, как десятки людей будут жертвами мощного взрыва, но ничего не сказали.

– Я не знала о взрыве.

– Не оправдывайтесь. На вечере Гаранса вы повстречались с лордом Грэхемом, упустили из виду Уидмора и сломали шею мисс Рой, после чего в попытке замести следы сожгли всё здание с помощью своего дружка Каро.

– Поражаюсь вашей осведомлённости, – Виктория поднесла чашку к губам. – Но это не объясняет, откуда я знала об их планах.

– Их? Почему вы говорите о враге во множественном чис-

ле?

– Может, потому что я иду против организации?

– И снова вы лжёте, – взгляд детектива источал презрение. – Привыкли считать себя особенной, но это не делает вам чести! Я с превеликим удовольствием выпустил бы сейчас в вашу голову всю обойму, только боюсь замарать репутацию...

– Люблю смотреть, как жажда крови обращает лёд в пламень. Раз уж мысли о моём убийстве вызывают в вас такую страсть, надо будет подкинуть пару идей. Мне нравится, когда в вашем сердце горит огонь, это бывает так редко...

– Прекратите нести всякую чушь! – глаза Кроули расширились от гнева. – Вам просто нечем меня подкупить, вот и всё! Я никогда не стану вашей комнатной собачкой наподобие Картрайта или Айронса, и вас это задевает. Я не действую по указке, и мне не нужен хозяин.

– А кто же вам нужен? Интересный соперник, с которым не заскучаешь, уникальный союзник, могущественный раб?

– Я предпочитаю работать в одиночку. А это сотрудничество без взаимной поддержки и доверия не приносит пользу.

Виктория вынула сигарету и закурила. Дымок врезался детективу в лицо, и тот поморщился от удушливого запаха.

– Я открою вам правду, Кроули. Неми Ларсен украшала собой этот безвкусный мир. Её глаза были ярче изумрудов. Я не видела в них лжи, лицемерия, алчности. Это показалось мне странным, ведь её окружение, семья не могли похвастать

духовными богатствами. В отличие от остальных, Неми старалась разглядеть в человеке его лучшие стороны. Даже моя жестокость её не пугала. Она сумела достать из моей души то, что я давным-давно спрятала. И тогда я подумала, что если кто и достоин вечной жизни, то это Неми Ларсен. Конечно, она боялась разделить мою участь, бессмертие никогда не было её мечтой. Я предложила попробовать... слегка продлить молодость, обмануть Бога на лишние пятьдесят лет. А потом уже принять окончательное решение. Неми согласилась. Она строила грандиозные планы на будущее, столько всего хотела сделать для людей... Я поделилась с ней своим философским камнем.

– Вы подарили Неми бессмертие? – с удивлением спросил Александр.

– Не совсем. Философский камень изготавливается индивидуально, никто не смог бы прожить тысячелетия за счёт моего. Однако на какое-то время он отодвигает смерть. Знаете, как лекарство. Предположительно на пятьдесят лет. Хотя я склонна полагать, что меньше.

– Что ж, это многое объясняет. По крайней мере, понятно, почему у Неми вырезали сердце.

– Да, если лишить жизненно важного органа, сердца или головы, вполне можно избавиться даже от самого дьявола. Тот, кто на это пошёл, прекрасно был осведомлён о тайне Неми.

– Но откуда сектантам знать о философском камне?

– Правильный вопрос, Кроули, – Виктория усмехнулась. – Перед смертью мисс Рой рассказала о человеке, который оказывает для секты разные полезные услуги. По её словам, он мой «почитатель».

– Почитатель?

– Возможно, я с ним знакома. Это может быть кто-то из бессмертных. Меня многие ненавидят.

– А как насчёт Рейналфа Грэхема?

– Меньше всего он должен нас волновать.

– Вот как?

– Хотя Грэхем и владеет гипнозом, это от нитей кукловода его не спасает. Им просто играют. Хорошо бы выяснить, какое отношение к происходящему имеет Меропа Эджворт. Я удивилась, когда увидела в глазах мисс Рой страх. Оказывается, в секте эту девушку боятся.

Губы Александра тронула ехидная ухмылка.

– Ответите на последний вопрос?

– Постараюсь.

– Почему вы поделились с Неми философским камнем? Какой бы благородной ни была эта девушка, я уверен, вы преследовали далеко идущие цели, которые не имели ничего общего с мечтами бедной мисс Ларсен.

– Порой мне кажется, что вы слишком хорошо меня знаете, Кроули, – Виктория подалась вперёд, желая вплотную приблизиться к мужчине, но столик не позволил. – Я ничего не делаю просто так.

– И что же означал ваш жест?

– Мне больше семисот лет. Это немалый срок. За такое количество времени переосмысливаешь многие вещи, особенно те, что касаются наследия. Я посчитала, Неми достойна стать моей преемницей. Ей легко давалось то, что мне не под силу. За подаренные десятилетия она должна была доказать, что достойна бессмертия, готова взять ответственность, понести этот крест... Теперь Неми мертва.

– Любопытство удовлетворено, – примирительно отозвался детектив. – Полагаю, настала моя очередь раскрыть карты. Он приподнял сумку и вытащил три фотографии.

На одной была изображена темноволосая девушка, которая счастливо улыбалась в объектив. На другой – девушка с неудачно остриженными волосами, окрашенными в белый, и глубокими тёмными глазами. На третьей – подозрительно похожая на предыдущую девушка того же возраста, но с более грубыми чертами. Складывалось впечатление, будто вторая и третья фотографии принадлежат одному человеку.

– И кто из них наша Меропа Эджворт?

– А, так вы тоже не узнали? Эта, – Александр передвинул второй снимок. – Удивительное преображение, не правда ли?

– Вы с ней общались. Что Меропа из себя представляет?

– Непредсказуемая и опасная. Ей не знаком страх. А вы понимаете, что за этим стоит: ни чувства меры, ни команды «стоп».

– Почему она стала подражать той террористке?

– К сожалению, я не встречал Веронику прежде, до похищения, и мне трудно судить о её мотивах. Однако то, что она вытворяет, заводит меня в тупик. Она меня считывала, Морреаф. В прямом смысле. Искала лазейку в сознание. Омерзительное ощущение... Мне жутко хотелось её застрелить. Вы и не догадываетесь, насколько это неприятно. Гораздо хуже изнасилования, поверьте. И я нисколько не осуждаю Уидмора. На его месте так поступил бы каждый.

– Стойте, что сделал Уидмор?

– А вы не в курсе? Он покончил с собой.

Виктория отставила чашку в сторону. На долю секунды её лицо приобрело разочарованное выражение, но затем так же мгновенно оно сменилось на равнодушие и отчуждение.

– Жаль его, – коротко бросила женщина, не отводя взгляда от детектива. – Я пыталась объяснить Чарльзу ситуацию, но меня отвлекла от разговора Сара.

– Мисс Рой хорошо сражалась?

– Как профессионал. Ножи у неё что надо.

– Что ж, Грэхем знал, кого брать на работу.

– Сара бы с вами не согласилась. По крайней мере, насчёт девчонки он ошибся. Сара сказала, что Меропа сильнее её хозяйина, она даже заставляет его слушаться.

Детектив кивнул.

– Мне Меропа говорила, что на Грэхема не работает. Он ей не интересен. Упомянула о планах касательно челове-

ства, но я так и не понял, что она имела в виду. Раньше я думал, девчонку вынуждают играть по правилам, используют её дар, а она просто пытается выжить. Мне не хватало фрагментов, чтобы выстроить мозаику, но теперь я начинаю видеть картину. Благодаря вам, Морреаф. По-моему, эта Метропа, или Вероника, напрямую связана с вашим «почитателем». Возможно, именно он отправил её к сектантам. Пусть Грэхем и является лицом организации, всем стала заправлять девчонка. Причём неожиданно для самих сектантов. Они сами не поняли, как это произошло. К философскому камню эти люди отношения не имеют, однако их намеренно сравнили с бессмертным, то есть с вами. А Сару Рой и вовсе преподнесли вам как подарок: ну не думали же они всерьёз, что смогут прикончить семисотлетнего человека в женском туалете?

– Сара была отвлекающим манёвром.

– Ой ли? Сара выполняла приказ, да, собиралась убить вас, как это сделала с Неми. Но помилуйте, Неми никогда ни с кем не дралась, любой встречный из переулка сломал бы её, как игрушку. Другое дело вы.

– Но зачем им отправлять на смерть своего человека?

– А почему вы так уверены, что приказ поступил от Грэхема? Может, Саре пришло задание из самой верхушки? То есть от «почитателя»? Который хотел показать...

– ... что все они лишь его марионетки.

– И жизни этих сектантов на самом деле ничего не стоят, –

заклучил Кроули.

– И приказ этот был передан через Меропу, – Виктория потёрла виски, – Которая контролирует Грэхема. Видимо, Сара сама не знала, чьей куклой была.

– Остаётся лишь разобраться с Меропой. Или с Вероникой.

– Но у вас ведь есть теория на её счёт, не правда ли?

– Вы тоже слишком хорошо меня знаете, Морреаф, – вздохнул детектив.

– Скажите это, Кроули. Вынесите свой вердикт.

– Пожалуйста. Я считаю, Вероника Вэйн страдает раздвоением личности.

– Даже так? – усмехнулась Виктория. – Жду доказательств!

– Скажите, есть ли имя у Гнева? Есть ли имя у Зла, обитающего в душе каждого из нас? В гневе Вероника подвесила собаку за хвост, в гневе на собственное бессилие сожгла дерево, потом изуродовала бывшую одноклассницу (я видел её личное дело). Но легче свалить вину на кого-нибудь другого, нежели признаться в злодеянии. Я уверен, она начала бояться саму себя. Теракт, смерть матери, гибель десятков людей, их окровавленные тела и оторванные конечности преследовали Веронику во снах. Разум девочки помутился. Террористка Меропа Эджворт ассоциировалась со вселенским злом, убийца матери превратилась во «врага номер один». Вероника не хотела быть плохой. Не хотела, чтобы её боя-

лись и ненавидели – а именно такие чувства девочка вызывала у сверстников. Они считали её чокнутой, издевались, смеялись над ней. Словом, получали удовольствие от её мучений. А потом получала удовольствие она. Думаю, не стоит рассказывать, как Вероника обошлась с ненавистными одноклассниками... Волею несчастного случая школа сгорела. Ха, неудивительно, что Вероника не имела привычки заводить друзей. Но методы отмщения пугали её саму. Знаете, когда ребёнка ругаешь за разбитую сахарницу, он признаётся, что общается с неким воображаемым другом, который из вредности ломает вещи. Но ведь мы понимаем, никакого воображаемого друга не существует, сахарницу разбил ребёнок, просто в сознании он создал альтернативную реальность, где властвует Питер Пэн. Однако Вероника находилась не в том возрасте, чтобы сочинять сказки про вредных друзей, а ей жизненно необходимо было снять с себя ответственность... Вот так и родилась в сознании девочки Меропа Эджворт. Воплощение гнева. Олицетворение зла. «Я не убивала собаку, это сделала Меропа Эджворт!» «Я не причиняла вреда мисс Уокер, это сделала Меропа Эджворт!» Вероника теряла память, а после с ужасом узнавала о своих подвигах. Но это случалось столь редко, что позволяло ей вести обычную жизнь, заниматься делами, учиться и работать. Пока сектанты не подвергли девушку сильнейшему гипнозу. Вот тогда в сознании произошёл разрыв. Как ножницами отстригли голову Вероники от головы страшного аль-

тер-эго. Меропа превратилась в отдельную самостоятельную личность со своими желаниями и потребностями. Она – порождение худшего человеческого начала. Она есть безумие.

– Интересная теория, – ответила Виктория, с улыбкой наблюдая, как детектив переводит дух. Александр и сам не подозревал, насколько складно получится.

– Гнев очень сильное чувство, фрау. В гневе люди способны убить своих близких. Он считается страшнейшим пороком в любой религии. Меропа Эджворт – само его воплощение. Это чувство помогло девушке выжить, но сделало одержимой.

– Кое-что вы упустили, Кроули. Мне не дают покоя два вопроса... Но вы вряд ли сможете на них ответить. Владела ли Вероника даром гипноза? Я не верю в его спонтанное появление. В раздвоение личности – да, но не в это. Скорее всего, Вероника всегда обладала сильным гипнотическим воздействием. И применять она его могла только когда что-то выходило из-под контроля; это вызывало гнев и, соответственно, возможность повлиять на ситуацию силой. Поэтому окружающие её боялись. Не из-за того, что она была чокнутой, а потому что она была сильнее других. Люди всегда чувствуют опасность неосознанно, и им легче избрать тактику массового нападения. Отсюда и постоянные издевательства, которые только усугубляли положение.

– А второй вопрос?

– Почему Алан ничего нам не сказал о её способностях?

Он всё время жил бок о бок с сестрой, и раз уж заметил изменения в поведении, неужели бы не заметил остальное?

– Сейчас Алан отказывается говорить о сестре. Он думает, её загипнотизировали и заставили изображать ясновидящую. Я ездил к нему вчера. Алан выглядит довольно плохо. Почти не выходит из дома, – детектив прочистил горло остывшим кофе. – Затравленное поведение братца тоже наводит на кое-какие мысли.

– Почему он отказывается бороться за сестру? – женщина задумчиво прикусила губу. – Почему не сотрудничает ни с нами, ни с полицией? Почему бездействует? Ведь Алан не просто её брат, он близнец. Эти двое должны быть как части целого.

– Но он же прибежал в «Walpurgis adherents», – возразил Александр. – Значит, парню не всё равно.

– Прибежал и тут же убежал.

– Здесь мы истину не узнаем. Нам придётся снова встретиться с Аланом.

Кроули откинулся на спинку стула и погладил затёкшую шею. Виктория допивала кофе, стараясь не нарушать воцарившегося молчания. В зале играла медленная музыка. Взгляд женщины скользил по незнакомым лицам посетителей, торопившимся официантам, брошенному в пепельницу окурку. По оконному стеклу снова задолбил дождь. Бесцветные капли стекали вниз, напоминая слёзы.

– Истина, – прошептала Виктория. – А может, и нет ни-

какой истины? Я живу более семисот лет, но всё, что чувствую – это смертельную усталость.

– Вините английскую погоду, – Александр кивнул в сторону окна. – Вы явно не дитя Альбиона.

– Я немка.

– Вот именно.

Атмосфера начала постепенно разряжаться.

Виктория знала, что «железный детектив» бывает милым, когда спит, особенно если спит на её диване. Но и здесь, в полумраке паба он выглядел мило. За минувшие дни Александр сильно набегался. Под глазами залегли тени, напряжённые руки подрагивали, спину ломило. Наблюдая за ним с этой стороны, Виктория понимала, что язык отказывался назвать Кроули соперником, пусть даже и в шахматах. Шахматы вообще были ни при чём. Они просто не хотели уступать друг другу, хотя прошло уже более десяти лет со дня их знакомства. Привыкли спорить, отпускать колкости, тыкать на ошибки и играть в кошки-мышки. Но Виктория верила, что за всем этим фасадом кроется нечто совсем другое, нетронутое: забота, осторожность... нежность...

Должен же существовать в мире хоть один человек, который бы сумел укротить жестокость и холодность Александра Кроули? И всё-таки бессмертная фрау Морреаф кое-в-чём была солидарна с детективом – в страхе оказаться поставленным на колени. В страхе, что кто-то другой сожмёт окровавленное сердце и разорвёт на куски. В страхе, что не станешь

противостоять чужой воле, поскольку всё ещё... любишь.

Любовь гораздо более опасное чувство, нежели гнев.

Виктория пристально рассматривала уставшего, но не потерявшего настойчивости детектива и признавалась: лучше видеть его таким, чем лицезреть крах, терзаться жалостью и отвращением к павшей личности, когда-то сильной, а теперь ничтожеству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.